ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 116 (3927) Суббота, 27 сентября 1958 г. Цена 40 коп.

Будущее нашей энергетики

Беседа с министром электростанций СССР А. С. Павленко

ПОЧТИ ТРИДЦАТЬ лет назад на Пятом Всесоюзном съезде Советов с докладом о пятилетнем плане развития народного хозяйства выступал Глеб Максимилианович Кржижановский. Помню, когда он остановился на разделе энергетики, на сцене вспыхнула электрическая карта действующих станций страны. Через минуту были названы новые цифры — цифры плана, и на карте загорелись десятки условных значков другого цвета. Впечатление это произвело потрясающее. На мгновение зал замер, а в следующий момент все вскочили с мест, и минут на пятнадцать (я не преувеличиваю) зал захлестнула овация. Люди пели «Интернационал», глядели друг на друга счастливыми глазами...

Тепловая электростанция мощностью в 50 тысяч киловатт и линия передачи на 110 киловольт представлялись нам тогда почти фантастической мечтой.

В каждую следующую пятилетку прирост электрических мощностей в стране увеличивался в полтора-два раза. И это уже никого особенно не удивляло. Долгое время мы строили большей частью маломощные станции. Нет, не потому это происходило, что мы не понимали преимуществ электрогигантов,— нас сдерживали реальные возможности промышленности. Вспомните, почти все оборудование для первых наших электростанций приходилось ввозить из-за границы.

Постепенно возможности наши росли, и борьба за новые мощности выражалась более внушительными цифрами: 100, 150 тысяч киловатт. В этом году нашей промышленностью создана турбина на 200 тысяч киловатт. И мы не считаем это пределом: в ближайшее время будет построен турбоагрегат мощностью в 300 тысяч киловатт.

Такому скачку способствовали не только общие успехи промышленности и рост инженерного искусства проектировщиков, но и последовательное создание кольцевых энергетических систем, предусмотренных еще гениальным ленинским планом ГОЭЛРО. В двух словах поясню смысл идеи кольцевания. Представьте себе, что мы создали бы сверхмощную электростанцию в первые годы индустриализации и обеспечили ее током крупный район, многие предприятия. Случись на такой станции временная неполадка, выйди из строя хотя бы на несколько часов генератор, и сразу остановилась бы целая группа промышленных объектов. Чтобы «наступать» фронтом мощных электростанций, необходимо было располагать резервами. Мы начали с небольших кольцевых линий, а сейчас создаем единую энергетическую сеть страны. Сегодня на выручку Подмосковью, например, в любой момент может прийти Волжская ГЭС имени В. И. Ленина. В скором времени и Сталинградская ГЭС, и другие станции европейской части Союза будут надежно «прикрывать» друг друга.

В нашей печати уже подробно рассказывалось о дальних линиях электропередач, об автоматизации и телемеханизации действующих и строящихся энергосистем. И мне, вероятно, нет нужды повторяться. Остановлюсь лишь на одной, как мне кажется, характерной детали.

Совсем недавно мне пришлось побывать в Канаде на секционном заседании мировой энергетической конференции. Наше сообщение о сооружении в Советском Союзе дальней передачи, рассчитанной на 500 киловольт, вызвало живейший интерес у всех собравшихся. К нам обращались канадцы и американцы — просили предоставить им возможность детально ознакомиться с этой уникальной пока линией.

Здесь, пожалуй, уместно будет заметить, что 500 киловольт напряжения и 1 000 километров дальности — не предельные характеристики для наших новых линий.

Строится линия Сталинград—Донбасс; длина ее—около 500 километров, а напряжение постоянного(!) тока—800 киловольт. Успешное осуществление передачи электроэнергии на постоянном токе столь значительного напряжения на такую большую дистанцию откроет перед нами практическую возможность передачи электроэнергии на **любые** необходимые расстояния.

В успехе мы не сомневаемся, а о значении этого успеха нет нужды распространяться...

ПРЕДСТОЯЩЕЕ СЕМИЛЕТИЕ будет временем могучего развития всего нашего народного хозяйства. За эти годы и в росте энерговооруженности страны произойдет большой скачок. Начать с того, что мощности районных станций возрастут до миллиона двухсот тысяч — двух миллионов киловатт. За семилетие мы введем в строй 60 миллионов киловатт новых мощностей. Чтобы читатели могли отчетливее представить себе эту цифру, напомню для сравнения: сегодня мы располагаем 50 миллионами киловатт.

Но не только количественным ростом энергетики будет отмечено новое семилетие. В электрификации страны произойдут существенные качественные изменения. В ближайшие годы мы резко расширим сеть тепловых электростанций. Некоторые полагают, что увеличение числа тепловых станций в какой-то мере противопоставляется сооружению ГЭС. Это неверно. Дело в том, что сейчас, когда в стране открыты новые гигантские запасы нефти, газа, когда освоена открытая добыча угля, строить тепловые станции экономически целесообразнее.

Мы прекрасно сознаем, что электроэнергия, выработанная на тепловых станциях, будет несколько дороже энергии, полученной на ГЭС, но она сможет быстрее поступить к потребителям, и не учитывать этого выигрыша во времени нельзя. В мирном соревновании социалистической и капиталистической систем время — великий фактор!

Особое внимание будет уделено электрификации сельской местности. К концу семилетки все колхозы и совхозы страны должны быть обеспечены электроэнергией.

Мне очень трудно осветить в краткой беседе все проблемы электрификации ближайших лет. Естественно, что многих важных вопросов приходится касаться лишь вскользь.

ВЗГЛЯНИТЕ на карту. К концу семилетки резко изменится ее «электрическое» лицо. Не только десятки крупнейших тепловых, гидравлических, атомных станций появятся на ее пестром поле,— 200 тысяч километров высоковольтных передач протянутся от края до края нашей земли. Вдумайтесь в эту цифру и вы поймете — у электрификаторов увлекательнейшая работа впереди.

Обеспечить энергией сотни новостроек, увеличить снабжение током городов, электрифицировать каждый колхоз, каждую деревню поможет нам не только единая высоковольтная система европейской части СССР, которая свяжет в общее кольцо 50 миллионов киловатт (позже она сольется с сибирскими системами и вырастет до 100 миллионов киловатт), но и самое широкое использование местных ресурсов.

Мы должны электрифицировать 20 тысяч километров железнодорожных путей. Огромная эта работа запланирована; попутно же мы думаем о том, чтобы подключить к железнодорожной электрической сети сотни населенных пунктов, колхозов и совхозов. При таком решении задачи не придется особенно увеличивать мощность строящихся станций, тянуть дополнительные линии, а пользу народ получит гигантскую.

Мы должны погасить сотни факелов, все еще горящих на нефтепромыслах. Вероятно, самое лучшее — погасить их с помощью газотурбин. Отобрать впустую расходующиеся сейчас силы земных недр и отдать людям электроэнергию.

Мне пришлось побывать на Чукотке, в Певеке. Думаю, что в районах, подобных этому, надо обязательно приложить все силы к разумному использованию ветровой энергии. Ведь там ветер достигает порой сорока метров в секунду и штилевой день — редкость...

Примеры можно бы продолжить, но не в количестве примеров дело,— важно понять идею главного направления: большая энергетика должна расти и развиваться в тесном содружестве с малой энергетикой. Мы должны учитывать возможно полнее местные условия при создании новых электростанций, глубже изучать экономическую сторону дела. И смело решать: если в конкретных условиях выгодны дизельные или другие тепловые станции (когда от районной энергосистемы до потребителя далеко, когда сооружать линию передачи дорого),— ставить их; если целесообразно на время подключить некоторые объекты к энергопоездам,— подключать...

Известно, что у нас в стране сооружаются атомные электростанции различных типов. Мирная энергия атома уже служит и будет еще шире служить человеку.

В заключение мне бы хотелось сказать также несколько слов о наших кадрах. Когда закончилась война и мы приступили к восстановлению многих электростанций, нам пришлось разыскивать специалистов по старым архивным спискам. Буквально по именам отзывали мы людей из армии и привлекали их к мирной работе. Сейчас иная картина. В стране выросли многочисленные кадры энергетиков — людей с размахом, с заглядом в будущее. И это — наша главная сила, она сумеет решить те новые огромные задачи, которые поставит перед народом партия на XXI съезде.

Международный азиатско-африканский подготовительный комитет по созыву конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте приступил к работе. В перерывах между заседаниями члены комитета знакомятся с городом. На снимке: члены подготовительного комитета. Слева — Го Сяочуань (Китайская Народная Республика), справа — доктор Бенерагама (Цейлон) в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР.

Фото Б. ФОМИЧЕВА

НАВСТРЕЧУ КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Ответственность художника

Столица Узбекистана встречает гостей из разных стран Азии и Африки. Среди них будет большая делегация индийских писателей. Литераторы Индии принимают активное участие в подготовке к конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. Мулк Радж Ананд и Тара Шанкар Банерджи были участниками подготовительного совещания по созыву конференции, состоявшегося в Москве в июне месяце, Гопал Халдар и Сант Сингх Секхон являются членами Международного азиатско-африканского подготовительного комитета, начавшего свою работу в Ташкенте в конце августа. Идею созыва ташкентской конференции поддержал премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, который в беседе с писателями одобрил работу индийского комитета по подготовке конференции и обещал оказать содействие поездке индийской делегации в Ташкент.

Сегодня мы публикуем статью индийского писателя, члена подготовительного комитета по созыву конференции писателей стран Азии и Африки Гопала Халдара, написанную им по просьбе «Литературной газеты».

ПРОЛЕТАЯ над крышей мира — Памиром — на пути из Дели в Ташкент, где мне предстоит участвовать в конференции писателей стран Азии и Африки, я — бенгальский писатель, говорящий на языке Тагора, — вспомнил слова этого великого певца человечности и дружбы между людьми: «Они должны встретиться, разные расы людские, встретиться в любви и дружбе». В оригинале этого произведения дальше сказано так: «Они встретятся здесь, на этом берегу всего человеческого моря, что зовется Индией».

Эта вера и надежда воодушевляла каждого из нас в дни конференции писателей Азии, которая проходила в конце 1956 года в Нью-Дели. Строки Тагора много раз звучали на устах выступавших там индийцев. К большой нашей радости Узбекистан через поэтессу Зульфию, прозванную в Нью-Дели «соловьем Узбекистана», прислал нам приглашение на следующую конференцию писателей. Так мы узнали, что «берег всего человеческого моря» простирается и за пределами Индии.

Но кто мог тогда подумать, что будущая конференция охватит и могучий африканский континент? Сегодня я вспоминаю о другом великом пророчестве Тагора. В благородном, исполненном скорби и печали стихотворении «Африка» он говорит о варварстве, которое принесли с собой на этот несчастный континент так называемые «цивилизованные нации», предсказывает, что в решительный час они будут на коленях просить прощения у истерзанной матери-Африки и что ее прощение станет в то же время ее триумфом, победой подлинной цивилизации.

Здесь, в Ташкенте, я думаю об этом — пусть еще очень отдаленном—будущем. Африка борется за свою независимость, и мы скоро увидим, как ее народы рука об руку с народами Азии широким и уверенным шагом двинутся по общему пути. На нас, писателей Азии и Африки, возложена особая ответственность: мы должны провозгласить на весь мир наступление нового дня свободы и дружбы людей. Человечество не может считать себя истинно свободным до тех пор, пока хоть один народ находится в неволе и угнетении. Человечество, говорил Тагор, напоминает цветок лотоса, состоящий из множества лепестков: каждая нация — это отдельный лепесток. И мы, писатели, должны способствовать развитию каждой национальной культуры, чтобы она, свободная и сильная, помогла всему цветку распуститься как можно пышнее. Мы не можем идти ни на какие компромиссы с колониализмом и империализмом, расизмом и религиозным фанатизмом.

Мы, писатели Азии и Африки, вовсе не считаем, что западной культуре нечего дать нам, кроме войны и эксплуатации. Но мы не верим и в то, что культура Востока основана лишь на покорности человека природе и судьбе. Мы ждем, что ташкентская конференция четко определит взаимодействие культур Востока и Запада и отношение национальных культур к тем интернациональным задачам, которые выдвигает наука перед всеми странами мира.

Мы, писатели двух великих континентов, встречаемся в Ташкенте — городе тенистых тополей и цветущих садов, городе, хранящем в своем облике следы величия тысячелетней истории Востока. А с Запада пришли в этот город достижения социалистической системы и науки, которые широко открыли перед узбекским народом все блага и дары его Родины. Здесь расцвела национальная узбекская культура, поправшаяся всего лишь 40 лет назад. Расцвет этой культуры сегодня говорит о мудрости и прозорливости Ленина.

Посланцы стран Азии и Африки соберутся в Ташкенте не только для того, чтобы воспользоваться вошедшим в поговорку узбекским гостеприимством. Мы едем в столицу солнечного Узбекистана для того, чтобы обсудить свои задачи, укрепить свою боевую солидарность в общем движении за свободу, мир, прогресс, за все лучшее, что есть на земле. Мы хотим, чтобы жизнь стала светлой и прекрасной для всех.

Гопал ХАЛДАР,
индийский писатель.

ПУТЬ ОТКРЫТ!

КОЛОНИЗАТОРЫ чинят разбой на Востоке. Английские парашютные части по-прежнему оккупируют Иорданию, а американская морская пехота, превышающая по численности всю ливанскую армию, — Ливан. Не прошло и двух лет, а они с новой яростной силой пытаются добиться того, чего им не удалось сделать в 1956 году.

В несокрушимом братском единстве крепим мы свои ряды. Сегодня наш фронт стал сильнее. Для арабских писателей конференция в Ташкенте — это ассамблея, где соберутся друзья, на которых всегда можно положиться.

Как граждане мы в любое время готовы быстро отозваться на все проблемы, касающиеся защиты мира во всем мире и суверенитета народов. Как литераторы мы понимаем, что высокое звание писателя обязывает прежде всего с волнением думать о судьбе человека. Жестокая и несправедливая сила угрожает жизни. Ликвидировать эту угрозу — наша задача.

Долго мы жили в обстановке, когда великие пути Каир — Пекин, Дели — Ташкент, Джакарта — Дамаск были закрыты для сынов Азии и Африки. На этих путях злодействовали банды душегубов от империализма. Мы много боролись за то, чтобы расчистить дорогу друг к другу. И разве не была наша борьба долгой, тяжелой и упорной, когда за одно только чтение китайских книг в Египте нам грозила тюремная решетка и пытки? Разве не была эта борьба настойчивой и решительной, если мы добились исторической встречи в Бандунге, пришли к Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки, а сейчас идем навстречу конференции писателей в Ташкенте?

Арабская нация полностью отдала себя борьбе за осуществление вековых чаяний и надежд народов двух великих континентов. Подобно тому, как один человек видит свое благо в благе своей родины, так и арабская нация в своей национальной борьбе нашла благотворную связь с освободительной борьбой других народов. Встречаясь с дорогими собратьями по перу, мы, арабские писатели, гордимся этим открытием, которое помогает еще большему углублению традиционных культурных связей между народами двух частей света, на стыке которых лежат арабские земли. Солидарность наших сил слилась в мощный, несокрушимый поток. И ничто нас не поколеблет.

Путь в Ташкент открыт!

Альфред ФАРАГ,
драматург

КАИР, сентябрь

По Неману песня плывет

Петрусь БРОВКА

ТАК задушевно и поэтически назвали наши литовские друзья сборник белорусских стихов, изданный к неделе белорусской литературы в Литве.

И недаром именно Неман упомянут в этом заголовке. Неман соединяет наши республики. Как к отцу, издавна обращались белорусы и литовцы к Неману, делясь своим горем и радостями. В старое время больше всего песни народной скорби и печали разносились по его зеленым берегам.

Белорусский плотогон, отправляясь до Клайпеды, пристально присматривался к берегам на литовской земле, искал там жизни веселее. Но у соседей-литовцев он видел одну и ту же привычную для него картину: изможденного бедняка за кривой сохой, слышал его заунывные песни.

Иные песни сегодня. Песни радости и счастья несутся по берегам славного Немана. Два народа, хороших соседа — литовский и белорусский, — живут у Немана в сердечной дружбе.

В наши мирные дни трудящиеся Литвы и Белоруссии соревнуются в созидательном труде. Соревнуются колхозники, помогают друг другу предприятия, обмениваются опытом научные учреждения.

Давняя дружба у белорусских и литовских писателей, деятелей культуры. Немало произведений появилось в наших литературах, которые взаимно интересны и белорусам, и литовцам. Обоюдные переводы обогащают наши литературы.

Литовский поэт Эдуардас Межелайтис написал «Братскую поэму», посвященную тому, как колхозники — литовцы, латыши и белорусы общими усилиями построили колхозную гидростанцию. Эта поэма переведена на белорусский язык. Стихотворения многих литовских поэтов изданы у нас в сборнике «Голоса друзей». Произведения литовских товарищей систематически публикуются в белорусской печати. Радует нас, что в последние годы в переводе на литовский язык появились стихотворения Я. Купалы, повести З. Бядули и Я. Брыля, роман И. Шамякина «Криницы».

В мае этого года мы встречались с нашими литовскими друзьями у нас, в Белоруссии. Немало мы проехали вместе дорог в цветущую пору весны, когда белым пламенем пылали сады, немало услышали из уст наших друзей их чудесных произведений, немало поговорили о наших сегодняшних делах и планах на будущее. Вместе выступили среди рабочих, среди колхозников, среди студентов. И всюду глубоко чувствовали, как едины стремления у нас, как велики у нас общие задачи.

Я не могу не привести нескольких строк из стихов великого народного поэта Белоруссии Янки Купалы, которые весьма созвучны нашим сегодняшним настроениям:

Песни нужны нам, но не безнадежные,
Что напевала неволя нам царская
В горькие, тяжкие годы острожные,
В дни, когда власть панувала жандармская.

Песни чтоб были, как солнце, как воля
Необозримой отчизны — без края,
Песни, что птицей летали б над полем,
Счастье советских людей умножая.

Нам радостно, что таких песен все больше и больше появляется как в литовской, так и в белорусской литературах. Только что закончившаяся неделя белорусской литературы в Литве была всенародным смотром нашей литературы. Мы, белорусские поэты и писатели, чувствовали огромное внимание литовского читателя к белорусскому художественному слову, и это глубоко волновало нас. В праздник дружбы наших народов превратились наши встречи. На литовской земле — в Вильнюсе, Каунасе, Шяуляе, Клайпеде, на предприятиях и в колхозах, в учебных заведениях у нас были большие интересные беседы с читателями.

Из бесед с литовскими друзьями мы извлекли для себя огромную пользу, глубже познакомились с жизнью братского народа. И это, безусловно, найдет свое отражение в наших произведениях.

После поездки по республике в Вильнюсе мы обсудили с литовскими друзьями планы на будущее. И все мы пришли к выводу, что многое можно сделать общими усилиями. Надо чаще встречаться писателям братских республик, больше знакомиться с жизнью братских народов, больше и лучше переводить и издавать друг друга.

Мы уезжаем из Вильнюса с чувством большой благодарности. Нам никогда не забыть братской теплоты литовского народа и сердечной любви к нам наших литовских друзей-писателей.

ВИЛЬНЮС

КЛЕВЕТНИКУ...

Шараф РАШИДОВ

ТРУДНО приходится нынче вралям из буржуазной прессы, очень трудно. Правда о жизни советских народов доходит до самых отдаленных уголков земного шара. Тысячи иностранцев побывали в Советском Союзе и воочию убедились, что социализм — это стремление к миру, это свобода, равенство всех наций, дружба народов, расцвет их духовных и материальных сил.

Есть, разумеется, и теперь изворотливые газетчики-лгунишки, которые пытаются на глазах у читателей штопать свою черную клевету белыми нитками. Один из таких мошенников слова — некий Б. Хайит — опубликовал в швейцарской газете «Базлер нахрихтен» статью под крикливым названием «Москва вторгается в духовную жизнь Востока» и с загадочным подзаголовком «Туркестан как приманка».

Я меньше всего надеюсь на то, что, прочитав эти строки, унтер-лгун Б. Хайит перестанет врать. Однако промолчать не могу — и не только потому, что в статье упоминается мое имя. Промолчать не позволяет моя совесть, ибо эта статья возводит провокационный поклеп на мой родной Узбекистан, на братские народы Средней Азии и Закавказья, на всю нашу родную Советскую страну. Зная, что скоро столица Узбекистана будет встречать дорогих гостей — писателей из Азии и Африки, Б. Хайит пытается также очернить цели и задачи ташкентской встречи, не останавливаясь перед грубой клеветой на деятелей азиатской и африканской культуры.

В начале своей статьи Б. Хайит, сообщая о моем выступлении на Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки, которая состоялась в конце прошлого года, как будто невзначай называет меня «представителем колониального Туркестана», а далее утверждает, что «Туркестан стал демонстрационным залом Советов на Востоке».

Вряд ли это брошенное вскользь замечание произведет даже на западного читателя эффект, на который так рассчитывает автор статьи. Ведь миллионам людей во всем мире известно, что народы наших среднеазиатских республик, которые Б. Хайит объединяет под общим названием «колониального Туркестана», став подлинно равноправными, за 40 советских лет достигли такого высокого уровня хозяйственного развития, такого расцвета своей национальной культуры и искусства, что им могла бы позавидовать не одна капиталистическая страна. Вот что писал, например, о моем родном Узбекистане шведский писатель Артур Лундквист в книге путевых очерков «Маки Ташкента»: «Узбекистан как государство является созданием революции. Ранее угнетенные колониальные народы основали советские республики, провели границы по признаку языка и наконец-то зажили как самостоятельные нации. Очень скоро они начали создавать свою собственную культуру на основе народных традиций».

И, кстати, если уж говорить о «демонстрационном зале Советов на Востоке», то у нас таких «залов» много. Мы можем с гордостью демонстрировать величайшие достижения в развитии промышленности, особенно тяжелой, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, культуры, науки, искусства не только Узбекистана, но и всех свободных, суверенных социалистических республик Средней Азии и Закавказья, всего Советского Союза. Нам есть чему радоваться, есть чем гордиться!

Б. Хайит идет и на провокационную подтасовку фактов, как только заводит речь о дружественных связях народов наших братских республик с народами Азии и Африки, о расширяющихся контактах между советскими и зарубежными деятелями культуры и искусства. «Москва, — пишет он, — предприняла попытку в конце 1956 года организовать в Дели конференцию писателей Азии и Африки или, по крайней мере, поддержать такую конференцию».

Вот уж где проступают белые нитки на плохо заштопанной черной лжи!

Кому не известно,— очевидно, об этом знает также и Б. Хайит,— что Индия — суверенное государство, которое вряд ли позволило бы кому-либо хозяйничать на своей территории. Идея созыва состоявшейся в конце 1956 года в Дели конференции писателей Азии,— а не Азии и Африки, как уверяет автор, — принадлежит индийским писателям и, в частности, одному из видных представителей индийской литературы Мулк Радж Ананду.

Походя очернив писательскую конференцию в Дели, Б. Хайит переходит к нападкам на конференцию писателей стран Азии и Африки, которая через полторы недели откроется в Ташкенте. Его бесит, что в ходе подготовки к ней будет издано много книг, что к ее началу предполагается открыть выставку произведений советских и зарубежных писателей. Во всем этом он видит чуть ли не «коммунистическую агрессию».

Но книги — не атомные бомбы, которыми продолжают отравлять воздух и воду западные «цивилизаторы», а обмен книгами — не оккупация Ливана и Иордании. Как ни старайтесь, господин Хайит, а мирный, гуманный, прогрессивный характер ташкентской конференции опорочить не удастся!

Подумав о возможных результатах конференции, Хайит приходит в ужас: «свобода, антиколониализм... прогресс, мир, борьба против атомной смерти, невмешательство во внутренние дела государств Востока, бескорыстная экономическая помощь и сосуществование... об этих лозунгах будут писать в дальнейшем писатели Азии и Африки!» Вот тут-то и проговорился базельский лгун. Ему-то хочется, чтобы все шло наоборот: чтобы азиатские и африканские писатели воспевали не свободу, а рабство, не прогресс, а мракобесие, не мир, а войну, не сотрудничество, а агрессию.

Хайит «ссылается» даже на советские газеты и безбожно лжет, утверждая, будто в «Туркменской искре» писалось о том, что мы якобы собираемся «издавать **все** произведения советских писателей и поэтов на английском и французском языках». Но ведь всякий здравомыслящий человек понимает, что это невозможно. На иностранных языках будут изданы лишь отдельные книги. А что в этом плохого? Но автор выдает за зло даже то, что наши писатели готовят сувениры своим коллегам, что мы собираемся издавать историю литератур республик Советского Востока. Как точно характеризует Хайита и ему подобных узбекская пословица: «Вор даже собственной тени боится»!

Не скрывая своего призвания сплетника, Б. Хайит с сожалением пишет: «Неизвестно, что говорилось и проектировалось за закрытыми дверями». Нас это не удивляет: сплетники любят подслушивать, подглядывать через щель — им обязательно нужно узнать, что делается у соседей за закрытой дверью. Но вот беда — закрытой двери-то и не было: предложения, подготовленные на предварительном совещании писателей стран — инициаторов конференции, были давно опубликованы в печати. «Во всяком случае, — откровенничает автор статьи, — в Москве придерживаются того мнения, что эта конференция укрепит солидарность и дружбу народов в политическом и культурном отношении».

Да, господа, укрепит! И укрепит именно дружбу и солидарность народов, а не агрессивные военные блоки и не вооруженную интервенцию на Среднем Востоке. Не это ли вас пугает?

Б. Хайит клевещет на всех писателей, на всю интеллигенцию азиатско-африканских стран, утверждая, что они не имеют собственных взглядов, что их можно «использовать» в любом направлении. Этот провокатор так и пишет: «Москва хотела бы... использовать интеллигенцию Азии и Африки с пользой для советской политики на Востоке». Но ведь прогрессивные писатели Азии и Африки сознательно слили свою судьбу с судьбами своих народов, отдают свой талант, свои силы служению своим народам, борьбе за их счастье. Об этом говорят прежде всего их книги.

Вряд ли стоит подробно говорить о том, как своеобразно толкует Б. Хайит вопрос о свободе вероисповедания в СССР. Буржуазные писаки извели немало чернил, доказывая, что в нашей стране либо вообще нет свободы религиозных верований, либо происходит «спекуляция» этими верованиями. По такой проторенной дорожке пошел и Б. Хайит, чьи рассуждения о «спекуляции исламом» давно перестали быть оригинальными.

Каких бы нелепостей ни была полна статья Б. Хайита, к каким бы клеветническим вымыслам ни прибегал автор, появление ее в западной прессе нам не представляется случайным. В этой статье очень отчетливо выражена лихорадочная боязнь западных колонизаторов окончательно потерять свои владения на Востоке. Вот почему Б. Хайит озадачивает читателей риторическим вопросом: «Есть ли еще у Западной Европы и Америки шансы на Востоке?»

Но у этого унтер-лгунишки большой аппетит — он берет на себя миссию поучать, подсказывать пути борьбы за сохранение господства колонизаторов. А предлагает он — без намеков и открыто—предпринять «наступление» — или — по крайней мере — «разъяснительную работу».

Так вот в чем, оказывается, дело! Вряд ли, однако, Б. Хайита похвалят его хозяева: обойма этого провокатора оказалась пустой.

АЛЬБЕРТУ РИСУ ВИЛЬЯМСУ

США

В день Вашего юбилея шлем Вам, дорогой друг, наши искренние поздравления и самые добрые пожелания.

Мы, советские писатели, с радостью присоединяем свой голос ко всем тем, кто с глубоким уважением и любовью приветствует Вас, одного из наших старейших и верных друзей. Вместе с Джоном Ридом Вы открывали нашу страну для читателей западного мира, и мы по праву считаем Вас одним из ветеранов борьбы за мирное сосуществование и дружбу наших народов.

Ажаев, Бажан, Воронков, Леонов, Марков, Полевой, Симонов, В. Смирнов, С. Смирнов, Сурков, Тихонов, Федин

ЮНОСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Новые кинофильмы к 40-летию Ленинского комсомола

«Мосфильм» готовит к 40-й годовщине комсомола несколько картин о молодежи.

Одна из них — «Трудное счастье» — снималась по сценарию Юрия Нагибина режиссером А. Столпером.

Комсомольской юности, героике революционной борьбы посвящена и другая только что законченная на «Мосфильме» картина «По ту сторону», снятая по одноименному роману Виктора Кина режиссером Ф. Филипповым.

На снимках — кадры из фильмов: слева — «Трудное счастье»; Коля Нагорный (Цыганенок) — артист Валерий Ашуров, Рыжий парень — артист О. Ефремов; справа—«По ту сторону»; Безайс — артист Ю. Пузырев, Матвеев — артист В. Сафонов.

Большой театр в Тбилиси

В ТБИЛИСИ, в здании Театра оперы и балета имени З. Палиашвили, с неизменным успехом идут гастроли Большого академического театра Союза ССР.

Приезд артистов Большого театра в Тбилиси — замечательный творческий подарок к 1500-летию столицы Грузии. Грузинские зрители любят и ценят прекрасное жизнеутверждающее искусство артистов Большого театра, который вписал немало ярких страниц в историю культурного сотрудничества русского и грузинского народов. В этом театре не раз звучали классические произведения грузинской музыки — оперы З. Палиашвили «Даиси» и «Абесалом и Этери», выступали многие грузинские певцы, танцовщики и дирижеры. Разве можно забыть тот глубоко волнующий день открытия декады грузинского искусства и литературы в Москве, когда в здании Большого театра артисты Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили давали спектакль «Даиси» и народный артист СССР Алексей Иванов тепло приветствовал гостей из Грузии?

Жители столицы Грузии сердечно принимают дорогих московских гостей. Сотни и тысячи зрителей — композиторы, артисты, журналисты, писатели, рабочие, студенты и учащиеся — побывали на спектаклях Большого театра.

На днях состоялась творческая встреча артистов Большого театра и Театра имени Руставели. Гостям был показан спектакль «Царь Эдип». После спектакля с речью выступил Мелик-Пашаев. Московских артистов приветствовали председатель Театрального общества Грузии писатель Ш. Дадиани, народная артистка СССР В. Анджапаридзе.

Артисты Большого театра дали концерт в клубе Горийского хлопчатобумажного комбината, а также в селе Хидистави. Здесь известные мастера искусства выступали вместе с участниками колхозной самодеятельности.

Гастроли Большого театра в Тбилиси продолжатся до 3 октября.

ТБИЛИСИ. (Наш корр.)

ЗЕМЛЯ И ЗАБОРЫ

Вадим БЕЛЯЕВ

ВБЛИЗИ любого города есть удобные и неудобные для отдыха места. Удобное место—это прежде всего такое, куда можно доехать быстро, за полчаса-час, без пересадок. Удобное место к тому же еще должно быть и красивым, с лесом, ромашками, с сухим берегом реки или озера. Такие места привлекают к себе много отдыхающих, а в настоящее время, когда поощряется индивидуальное строительство, эти места влекут к себе и множество застройщиков. Иных влечет возможность получать баснословные деньги за комнаты и веранды в дачный сезон.

Дачное строительство обычно начинается с забора. И получилось так, что вблизи больших городов возникло такое столпотворение заборов, что они преграждают доступ к лесу, к берегу реки или моря для желающих отдохнуть на лоне природы.

В Ленинграде в Архитектурно-планировочном управлении мне сказали:

— Мы не имеем права останавливать поток индивидуальных застройщиков. Отрадно, что каждый хочет стать застройщиком. И мы обязаны предоставлять им инженерно оборудованную территорию:

Что это значит?

Инженерно оборудованная территория означает, что имеются дороги, питьевая вода, электроэнергия, связь. И, разумеется, проще всего предоставить под новое строительство уже обжитую территорию в населенных пунктах.

Пусть на здоровье строятся знатный токарь, писатель, ученый, отставной военный. Каждый из нас вправе выбрать себе место, какое нам нравится. За это никого нельзя осуждать. Однако иные дачники ищут место для изгороди, частенько теряя всякое чувство меры.

ПОД ЛЕНИНГРАДОМ есть поселки Вырица и Сиверский. Расположены они по соседству. Места здесь красивые, лесные, хотя и нет морского берега. Дачи сравнительно дешевы. Сюда приезжают отдыхать рабочие, служащие с семьями. Прелестным украшением тамошних мест служит веселая речка Оредеж. Но... берега ее обнесены заборами.

В знаменитой «Северной Ривьере» — курортном районе Ленинграда на Карельском перешейке—для горожан, приехавших поездом или автобусом, во многих местах фактически нет свободного доступа к морскому песчаному берегу. Архитектурно-планировочному управлению приходится сейчас специально решать проблему: как изыскать проходы к морю в паутине скрестившихся заборов.

А на противоположном берегу залива, низком и заболоченном, красуется поселок Мартышкино, сюда можно доехать за пятьдесят минут от Невского проспекта. Мартышкино, как напоказ, стоит на возвышенности, чем оно особенно и привлекательно. Шелковая балтийская волна плещется у дороги; желтеет редко встречающаяся на этом берегу песчаная коса — естественный пляж. Но и тут берег и пляж закрыты заборами. Старые сосны и молодые тополя накрепко ограждены владельцами участков. Летом, чтобы попасть на пляж, надо идти далеким кружным путем. Кстати, пляж—«дикий» не по названию, а по существу. Вокруг пышных кустов бродят коровы, лужок у пляжа роздан местными властями под огороды, как будто иной земли нет. Тут же, на пляже, высится обширное, причудливой архитектуры, здание с плоской крышей—солярием. В здании до войны был санаторий, сейчас его занимает промысловая артель, выпускающая пластмассовые штепсельные вилки. Не на месте расположившаяся артель тоже охватила сплошным забором кусок морского пляжа. А почему бы не оборудовать в этом здании гостиницу или пансионат с комнатами, сдаваемыми горожанам на время их отпуска?

Здесь, неподалеку, возле шоссе,— братские могилы воинов, павших при обороне бессмертного Ораниенбаумского «пятачка». От могил, вверх по склону, тянется старинная дубовая аллея — ближний путь на станцию. Аллея перегорожена. Мощный, в полтора человеческих роста, сплошной тын ограждает тощие кустики смородины Ломоносовского пищекомбината. Удивительнее всего, что забор утвержден по размерам, плану и виду в Архитектурном управлении. Была взята в расчет смородина и вычеркнута аллея!

АРХИТЕКТОРЫ, которые трудятся в центре города, планируя застройку пригородов, охотно разрабатывают и утверждают стандартные типы заборов. Мне думается, что эти стандартные заборы свидетельствуют прежде всего о стандартном подходе к явлениям жизни, о стандартном мышлении. Только этим и можно объяснить, что Ленинградский облисполком, утвердив «Положение о порядке отвода и застройки земельных участков в Ленинградской области», в ста девяти параграфах указал, как нужно строить, но не указал, где и как не нужно строить. Упомянута техника, забыта эстетика.

Пора бы уже приступить к инженерному оборудованию новых территорий. Можно начать с простого. Почему, скажем, весной, летом, осенью нельзя организовать остановки пригородных поездов у озера или реки, в чистом поле, в грибном лесу, где грибы и ягоды растут рядом с железнодорожным полотном, где можно вдоволь побродить, порыбачить, поохотиться? Для этого потребуются простейшие земляные эстакадки для входа и выхода из поезда — и больше ничего. Даже билетные кассы не нужны.

Когда мы собираемся поехать на «инженерно оборудованную территорию», тогда мы законно требуем и отличных станций, и гладких дорог, и ларьков с газированной водой, и фонтанов, и эскимо. А когда мы собираемся поехать в глухой лес, в открытое поле, на озеро, то заранее запасаемся бутылкой воды и пакетом с бутербродами. И там наши припасы обретут особый вкус, наши сборы — волнующую приятность, наша поездка — свою романтику!

Рис. В. Фомичева

Надо всячески оберегать красоту природы и планировать ее с такой же точностью, с какой высчитываются «сотки» на земельных участках частных владельцев.

Там, где поступают именно так,— там и картина иная.

Мне довелось бывать на Рижском взморье. Здесь много построено и строится: дачи, дома отдыха, санатории. Однако берег моря, украшенный соснами, с бархатным песочком, открыт и просторен, проходы к берегу широки и удобны, заборы тоже имеются, но они отодвинуты в глубину, за чистые тротуарчики, и никому не мешают. Почему же берег Оредежа должен быть закрытым? Пусть каждая Вырица имеет свое маленькое Рижское взморье!

Во всяком планировании, в расчетах должна быть учтена человеческая потребность в красоте, потребность, возрастающая тем сильнее, чем лучше мы живем.

Думается, об этом забыли в Ленинграде те, кому следует заботиться о хорошем и красивом отдыхе советского человека.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Леонид Алешин, председатель колхоза

В РОСЛАВЛЬСКОМ райкоме партии, на Смоленщине, мне рекомендовали Алешина как хорошего председателя колхоза, бывшего учителя, который за короткий срок поставил на ноги отсталое, запущенное хозяйство.

Большую часть своей жизни Алешин имел дело со школьниками. В колхозном хозяйстве он не работал, и в артели его встретили скептически: «Книжная душа!»

А через год мнение о нем изменилось.

— Леонид Николаевич? — говорили колхозники.— Да разве мы отпустим его куда? Только теперь и работать по-настоящему начали. Отзывчивый человек — к каждому свой подход у него. И душевный, но требовательный.

Колхозное хозяйство выросло, окрепло, стало многоотраслевым. Все — и шелковистые нежные льны, и заботливо прополотые огороды, и подпертые кольями ветви яблонь — сохраняет следы хозяйской руки. Люди трудятся на полях, на фермах с задором и увлечением...

С ЛЕОНИДОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ осматривали мы фермы, поля, пришли и в сад, где среди стройных молодых яблонь грузно стояли старые деревья, отягощенные обилием плодов. Алешин поднял руку, чтобы сорвать спелое, сочное яблоко. Пиджак, накинутый на его плечи, сполз, и на руке засинела татуировка.

— Что это?—невольно спросила я.— Учитель — и вдруг татуировка.

— Память Маутхаузена—лагеря смерти. Наколол мне моряк. Солнце — свет Родины, голубь — весть об освобождении. Это тоже память, — показал он кисть своей руки. Ногти на ней были изуродованы.— Сбежал один товарищ, а нас, оставшихся, стали потом пытать, загонять под ногти гвозди.

Алешин накинул пиджак и снова пошел вперед. Вот его выгоревшая трикотажная рубашка мелькнула около птичника, над крышей которого кружились вороны, готовые похитить яйца. Алешин что-то крикнул птичнице. Женщина сорвала с головы платок, замахала им, отгоняя птиц. Вскоре председатель подошел к правлению, озабоченный и сердитый; за ним шла растерянная женщина.

— Как же это вы проглядели, это ваше прямое дело — следить за скотом, вы ж зоотехник! — говорил он ей резко и осуждающе. Женщина молчала.

Из района, по вызову Алешина, приехал ветеринар. Неудачливый зоотехник Женя уныло поплелась вслед за врачом к свинарнику — подписать акт о гибели свиньи от опасной болезни.

Председатель был явно недоволен:

— Теоретически все знает, а на практике... полная беспомощность. Плохо институты готовят специалистов, — сказал он и, как мне показалось, собирался развить свою мысль, но в это время его внимание привлекла женщина, поднимающаяся по тропке из низины, где змеилась узкая лента ручья. На склонах оврага стояли новые срубы изб, а там, где овраг раздвигался, начинался простор.

Женщина торопилась, будто несла важное известие.

— Леонид Николаевич, — начала она еще издали,— не хочу, чтобы зря на кого подумали. Егориха шла с колхозных работ, захватила из стога охапку сена, спрятала в кустах и пригрозила: «Если скажешь кому, пожалеешь!» А я ей ответила: «Обязательно скажу». Не люблю нечестных людей.

Колхозница вопросительно посмотрела на председателя.

— Правильно делаете,—одобрил Алешин.—Нужно жить честно. Спасибо, что сказала.

Женщина удовлетворенно кивнула головой и повернула обратно. А я подумала: «Это не мелочь! Так может говорить воспитатель, педагог».

ЧЕМ БОЛЬШЕ я знакомилась с деятельностью Алешина, тем яснее видела стиль его работы. В те дни в колхозе находился главный зоотехник района Евгения Львовна Козлова. Она сидела в правлении с председателем, проверяла сводки, расспрашивала о надоях, кормах, рационах, записывала все это в блокнот, давала советы. Председатель тщательно заносил их в разбухшую и запачканную землей книжку.

Потом председатель с зоотехником ушли осматривать силосные ямы, я осталась в правлении. На стенах висели отчеты, графики, ведомости. В них, как в зеркале, отражались успехи колхоза — рост урожаев, надоев, стоимость колхозного трудодня.

С приходом Алешина экономика колхоза резко поднялась. Доходы уже превысили миллион рублей, затраты на производство продукции сократились в два с лишним раза.

Пошло в гору животноводство, и это благодаря тому, что здесь успешно решили проблему кормов. За высокие надои колхозу присуждено переходящее Красное знамя облисполкома.

Не только отчеты привлекали внимание, но и плакаты, сатирическая газета.

На одном из плакатов была изображена карикатура, высмеивающая курильщиков.

Пришел колхозник, полез в карман за кисетом, увидел плакат, отдернул руку. Другой закурил, но сразу же вышел. Сидел на крыльце, дымил махоркой. Воздух в правлении был чист, на столах стояли цветы, на окнах висели шторы.

Колхозный счетовод Василевская сказала, что больше всего их председатель не любит расхлябанности, непорядка и нарушений дисциплины. Но зато уж тех, кто трудится честно, ценит высоко.

— Уж как у нас до него было плохо— хищения, пьянство, круговая порука. Леонид Николаевич все выводит.

НЕСКОЛЬКО дней я прожила в колхозе. Разговаривала, смотрела, слушала. С Алешиным почти не встречалась, но во всем замечала его влияние, заботу, хозяйскую руку. Все отчетливее видела, как педагогический опыт помогает Алешину воспитывать людей, разговаривать с ними, влиять на них, искоренять недостатки.

Вот сидят женщины в поле, обсуждают деревенские новости. Прошло полдня, а они все судачат. Подошел председатель, вставил прибаутку, рассказал сказку. Женщины смеются, осуждают нерадивых работников. И вдруг одна замолкает, усмешка сползает с ее лица. За нею и другая, третья. И уже не нужно уговаривать женщин — они сами в себе осмеяли лентяев.

Рассказывали мне, как Алешин боролся с хищениями. В колхозе стал пропадать кирпич. Кто берет? Колхозники молчат или кивают на соседей из деревни Кисловки — оттуда, мол, все идет.

Как-то вечером Алешин встал у дороги и видит — идет парень с мешком.

— Что несешь?

— Хлеб.

— А ну, покажи!

Парень мнется. Тронул Алешин мешок — твердый. Парню деваться некуда, винится, объясняет: кирпич нужен, а взять негде.

— Спросил?

— Так вы не дадите!

— Приходи в правление, и выпишу сколько нужно. Но знай: проверю, правду ли сказал, что труба у тебя завалилась.

И в другой раз поступил так же. Выступил на собрании с разговором о честности. Постепенно колхозники привыкли ходить в правление со своими заботами...

Пьяница-председатель — бич для колхоза. Здесь таких председателей было несколько. Пили они беспробудно, за ними тянулись и колхозники. Завели обычай— гулять по неделе. Алешин добился, чтобы правление ввело выходной день. И теперь если кто и «прихватит» другой денек, того к ответу. А в выходной полно дел: то выехать в город нужно, то в лес, то, смотришь, приехала кинопередвижка.

— Меньше у нас стали пить, — говорят теперь в один голос колхозники.

ТАК в отсталом колхозе началась новая жизнь. Здесь с помощью Алешина рождаются новые приемы воспитания — воспитания в труде, в творческом вдохновении, в заботе о росте своей родной артели.

Посмотришь на председателя, и не отличишь от рядового колхозника, — одет просто, язык его скуп, речь медлительна. В живых глазах его светится что-то сильное и настойчивое — ум, воля и твердость коммуниста.

Алешин вырос в советское время. Он— ровесник Октября. Учился, служил в армии, воевал. Тяжело раненным был захвачен в плен. И когда после победы он вернулся на свою истерзанную Смоленщину, увидел разрушенный дом, узнал о гибели дочери, нашел силы преодолеть все это.

Вместе с коллективом колхозников, опираясь на их опыт, прислушиваясь к их мнению, он многое сделал для восстановления и крутого подъема артельного, общественного хозяйства. За достигнутые успехи Леонид Николаевич Алешин недавно отмечен высшей наградой — орденом Ленина.

А сколько таких замечательных, талантливых людей по зову партии возглавили колхозы и вместе с тружениками деревни ведут наше сельское хозяйство по пути крутого подъема.

В. ШАПОШНИКОВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ

ВЕРТОЛЕТ И ГОРНЫЙ ДУХ

ЭТО БЫЛА малознакомая железная птица. Какая-то странная. И даже не верилось, что она взлетит.

— Послушай, Омеркéдж-ипá,—обратился Еснáт Бýтба к пилоту,— значит, на этом самом кузнечике и полетим?

— Разумеется, — ответил пилот.

— Прямо с места так и подымемся?

— С места и без всякого разбега.

— Чего только не достигнет разум! — сказал Бутба и многозначительно добавил: — Человеческий разум. А где ваш начальник?

— Вот он, начальник,— ответил пилот.

Начальник геолого-разведочной партии шел с тяжелым рюкзаком за плечами.

— Здравствуйте, Владимир Петрович, — весело приветствовал Бутба. — Я пришел точно, как часы.

— Привет! И я, как видите, не опоздал.

— Все перевидел на свете, а в такую машину не садился еще...

Бутба—мужчина средних лет. Гладко выбрит, одет в полувоенную праздничную одежду, на ногах — новые сапоги.

Он попросился в этот полет вместе с геологом, чтобы быстрее попасть в горную деревýшку, всего километрах в семи отсюда. Но, боже мой, какие это километры! Шею свернуть себе можно просто, за здорово живешь. На таких вот «кузнечиках» только и летать туда...

Бутба невольно взглянул на небо. Оно было синим и знойным, это августовское абхазское небо. Вокруг толпились высокие горы, прорезанные глубокими ущельями, на дне которых, рыча и пенясь, текли студеные реки.

— Еснат Тамшугович, садитесь, — пригласил начальник и только сейчас заметил, что Бутба чем-то озабочен.

— Владимир Петрович, — сказал Бутба, отвечая на немой вопрос геолога, — а быстро летит машина? Понимаешь, дорогой... Тороплюсь очень. Меры принимать надо. Табак горит. Кукуруза сохнет. Земля, как цемент. Без дождя сидим. Бригада беспокоится. Колхоз беспокоится.

Начальник сказал:

— Ну что же, товарищ бригадир, прямо в деревню и полетим. Считайте, что договорились, — мы же с вами кунаки.

— Кунаки, Владимир Петрович, большие кунаки.

И вот уже неуклюжее создание медленно поднялось в воздух, достигло вершин деревьев, взмыло еще выше и понеслось над селом Буковый Холм.

Бутба, прильнув лбом к стеклу, любовался пейзажем родного села. Он видел знакомые дворы, знакомых людей, даже соседских собак узнавал... Вот здание сельского Совета... Вот школа, клуб, который достраивается. Каждый кирпичик виден сверху... А мачты колхозного радиоузла похожи на две точки — они стоят прямо под ногами...

По кривой проселочной дороге ехала машина. Она везла шпагат и еще что-то в мешках...

Над головой вращался огромный горизонтальный винт. Винт поменьше жужжал на хвосте. Вертолет набирал высоту, углубляясь в ущелье реки Гвадиквáра...

Словно голубая чаша, раскинулось внизу небольшое озеро. Вот показалась сельская гидростанция. «Многое переменилось в селе, — восхищенно думал Еснат Бутба. — У нас, как в маленьком городе...»

Он склонился к самому уху начальника и проговорил:

— Вот что значит техника! А? Удивительно! А? Стоишь на земле и—прямо вверх! Как свеча! На любую скалу сядешь!

Геолог улыбнулся, утвердительно кивнул головой. Пилот Омеркедж-ипа повернулся к Бутбе и глазами указал налево: на крутом зеленом склоне в тени кислицы лежал Кадыр Бáзба. Кадыр приподнял голову, прошелся взглядом по вертолету и, не найдя в нем ничего примечательного, уставился своим длинным носом в небо.

Бутба хорошо видел, как козы, заслышав гудение, на миг замирали на серых камнях, как тоненькие нити родников прорезали рощицы, просачивались меж скал, отсвечивая чистым серебром.

Так и летел Еснат Бутба над горными тропинками и полянками, над пропастями и речками, где-то между небом и землей...

Он попросил пилота Омеркедж-ипа высадить его у огромной чинары, в тени которой собралось до сотни людей. Колхозный бригадир опустился на землю, словно горный дух из густой листвы.

Бутба вышел из вертолета как ни в чем не бывало. Да и встретили его без особого удивления, ибо за несколько дней сельчане успели привыкнуть к вертолету так же, как они давно привыкли к радио и электричеству, автомашине и телефону.

Когда вертолет улетел дальше, Бутба сумел уложить свои впечатления от полета в несколько емких по смыслу и интонации фраз.

— Чудо из чудес! — сказал он восторженно.— Мы неподвижно висели над пропастью Змеиной. Мы почти касались рукой отвесной скалы Белый Камень. Чуть не расплескали воду из родника Гранитный Ковш. А с вершины Иглы-горы я мог бы доставить еловую веточку. Хочешь—летишь, а хочешь—неподвижно паришь в воздухе... Вот что значит человеческий разум! Вот что значит техника!.. Ну, а как дела у вас?

С этим вопросом Бутба обратился к коренастому старику с юношеским румянцем на щеках.

— У нас все хорошо,— бодро ответствовал старик.— Тебя одного и ждем. Ни председатель сельсовета, ни председатель колхоза не явились. Может быть, они стесняются чего-нибудь?

— Начальству виднее,—сказал Бутба. — Но ждать не будем, а то, пожалуй, без капельки воды останемся.

Бутба быстро вошел в роль распорядителя. Он попросил приступить к делу. И вскоре дюжина стариков чинно направилась к речушке, протекавшей в полсотне шагов. А на травянистом берегу стоял спокойно пожевывавший бык.

На этой речушке, так же как на чинаре и всей местности вокруг, лежала особая благодать. Так утверждали опытные люди. И местность с буковой рощицей считалась священной. Слава эта утвердилась еще в древности, и никто, разумеется, не помнил, какое же такое чудо привлекло людское внимание к сему скромному уголку. В засушливые времена здесь устраивались моления о дожде. Неизвестно, шли ли дожди после молений, однако доподлинно известно, что кровь жертвенных быков и вино из сосудов лились рекой...

Старики вели себя чрезвычайно торжественно. Они неторопливо помыли руки в воде, а затем сорвали по листочку с ближайшего дерева и листочки побросали в речку. Судя по всему, эта часть ритуала была ответственнейшей.

Затем один из стариков начал молитву о ниспослании дождя, обращенную к горному духу, витающему над этой местностью. Старик пытался смягчить непреклонный дух владыки скал и лесов, управляющего дождями, ливнями и родниками. Ничего сверхъестественного не требовал старик: он молил о дожде, вполне достаточном для созревания табака и кукурузы. Только и всего! Ведь не винá же выпрашивал он.

Давно известно, что одной молитвы для горного духа недостаточно: для окончательного ублажения этой языческой невидимой силы должен быть прирезан упитанный бык. Эту операцию взял лично на себя Еснат Бутба. Не прошло и получаса, как мясо уже варилось в огромном котле, а под чинарой устраивались люди для торжественной трапезы в честь горного духа.

Еснат Бутба пристально следил за тем, чтобы ничем не нарушался старинный обычай, тем самым принимая все меры для скорейшей поливки плантаций, полей и огородов струями живительного дождя. Движения его были плавными, торжественными, лицо светилось вдохновением, соответствовавшим значимости момента. Он не командовал, о, нет! Но слова его воспринимались как приказ, ибо обращались они к одной высокой цели: вымаливанию дождя у гордого горного духа.

Один из пожилых людей, многоопытных в различного рода сельских торжествах, сделал замечание, смысл которого сводился к следующему: ритуал несколько скомкан. Против этого обвинения весьма резонно возражал Еснат Бутба. Он сказал доподлинно следующее:

— Как тебе известно, уважаемый Руфáт, вся ценность молитвенного заклинания заключается не столько в продолжительности, сколько в том, кто творит его. Наш Тамел—в этом отношении отменнейший знаток, и на него можно положиться. С другой стороны, нет особой надобности в затягивании этого дела. Однако совершенно необходимо, чтобы каждый из присутствующих бросил в речку по зеленому листочку и смочил себе лоб водичкой. Без этого моление — не моление. А еще учтите — вечером лекция в школе. Надо и туда поспеть...

Он энергично призвал всех присутствующих исполнить свой долг. И крестьяне бросали в воду листочки бука и смачивали себе лоб горной водой.

— А вы? — крикнул Еснат двум молодым людям, укромно сидевшим в тени. — Идите и вы. Бросьте листочки в водý и не забудьте смочить лбы...

Молодые люди были гостями в этом селе. Они представляли Общество по распространению знаний и выглядели явно сконфуженными. Однако, чтобы не вызвать неудовольствия хозяев, и они в точности выполнили предписанный ритуал.

— Так нам и надо, — тихо сказал один из них другому. — Давно бы следовало приехать сюда с лекцией или беседой.

— Лучше поздно, чем никогда, — изрек другой.

И они снова удалились в тень.

Вскоре мясо сварилось. Его разрезали на куски. В кувшинах забулькало вино, и началась приятная пирушка.

Где-то за горами загремел гром. А может быть, то был обвал. Еснат Бутба решил (ему же виднее!), что горный дух премного благодарен и что непременно быть дождю.

— Ей-ей, он доволен, — провозгласил бригадир. — Он где-то здесь, над нами, словно вертолет, на котором я прилетел...

Глядя на него, с трудом верилось, что это тот самый Еснат Бутба, который жить не может без телефона и электрического света, без радио и грузовой автомашины, тот самый Еснат Бутба, который два часа назад имел возможность убедиться в мощи человеческого разума и парил там, где и не снилось парить любому горному духу и прочей чертовщине.

Молодые люди из Общества по распространению знаний, к сожалению, не чувствуя за собой никакой особой вины, качали головами, дивясь причудливому сочетанию вертолета и горного духа в этом отдаленном селе Буковый Холм.

ДУМАЯ о селе Буковый Холм, я невольно вспоминаю о жителях некоторых сел Поволжья, отправлявшихся на празднование Покрова в собственных автомашинах. Я вспоминаю об одном дехканине из узбекского кишлака, сетовавшем на то, что утреннюю молитву муллы не транслируют по местной радиосети. Наконец, я вспоминаю о робких деятелях культурного фронта, которые не умеют противопоставить сказкам о горных духах и боге-всесоздателе увлекательные были о силе человеческого разума, созидающего все блага на нашей чудесной земле.

Георгий ГУЛИА

Рис. А. Шульца

ДУМАЯ О СВЯЗИ С ЖИЗНЬЮ...

Ибрагим ЮСУПОВ

СРАВНИТЕЛЬНО недавно поехал я с группой писателей на юг республики — в Турткульский район, в этот благодатный уголок Хорезмского оазиса. Здесь раньше, чем в остальных районах Кара-Калпакии, раскрываются драгоценные коробочки хлопка.

Дорога пролегала в густой тени гуджумов — гигантских столетних деревьев. Нас сопровождали белые тополя, рощицы черного, как дождевые тучки, каратала, золотисто-желтые абрикосовые и яблоневые сады.

Вот и колхоз имени Максима Горького. Многие дороги, ведущие сюда мимо хлопковых плантаций, закрыты: пыль может повредить хлопчатнику, когда он цветет.

Но к сердцу хлопкоробов дороги всегда открыты. Мы выступали перед хлопкоробами, перед пионерами, отдыхавшими в колхозном лагере, знакомились с хозяйством и сидели за бешбармаком в гостях у дехкан. И часто, беседуя, например, с вожаком колхоза Героем Социалистического Труда Абаджаном Дурдыевым, я задавал себе один и тот же вопрос: богатых колхозов, подобных колхозу имени Горького, в республике много,— как же мы, писатели, отображаем их жизнь и те разительные изменения, которые происходят буквально каждый год, каждый месяц по всей Кара-Калпакии? А главное, над чем я задумывался тогда: что мы, писатели, делаем, чтобы наши книги заговорили о жизни народа живыми, чистыми и отчетливо слышными голосами?

Об этом мне и хочется поговорить накануне съезда писателей Кара-Калпакии, открывающегося через несколько дней.

Мне вспоминались лучшие произведения товарищей по перу, наши первые романы: «На берегах Аму-Дарьи» Ж. Аймурзаева, «Дочь рыбака» А. Бегимова, «Первый салют» К. Досанова, «В объятиях Арала» У. Айжанова, повести «Секретарь» Т. Каипбергенова, «Боевые друзья» Ж. Ташенова, «Покорители злой судьбы» А. Бекимбетова, «Вечное солнце» Б. Бекниязовой, «На пороге счастья» У. Ходжаниязова. Эти книги появились за несколько последних лет. До этого в каракалпакской литературе проза была представлена рассказами и небольшими повестями. Я вспомнил новые пьесы С. Ходжаниязова, Ж. Аймурзаева, Т. Сейтжанова и М. Калимбетова, поэтические произведения «Баллада о коммунисте» К. Досанова, «Джигит из нашего аула» А. Алиева, «Два друга» Х. Турумбетова и еще очерки и рассказы С. Салиева, К. Султанова, дастан «Бахадыр» А. Дабылова, стихи Т. Жумамуратова, А. Таджимуратова и М. Сеитниязова.

Как же не радоваться тому, что в последние годы проза начинает занимать в каракалпакской литературе главенствующее положение? Но будем честны — пока еще не зрелая наша проза.

Как, например, обстоит дело с созданием образа каракалпака — труженика наших дней? От ответа на этот вопрос зависит и ответ на другой вопрос: насколько мы знаем своих современников?

Роман «На берегах Аму-Дарьи» — большой шаг вперед в творчестве Ж. Аймурзаева. Широко известный в республике писатель показывает в романе столкновение разных по морали, поведению, характеру людей. С одной стороны, Ж. Аймурзаев остросатирически разоблачает отсталых людишек, упорно цепляющихся за обветшалые традиции старины, с другой, любовно рисует истинных героев наших дней — принципиальных, честных, настойчивых проводников политики партии. Самобытный талант, многолетний литературный опыт помогли Аймурзаеву успешно развить конфликт, построить интересный сюжет.

Это примечательно, это **жизненно**, что в центре произведения находится образ передовой женщины. Мы видим, что героиня романа — способный агроном Раушан — пользуется уважением и симпатией колхозников. Однако, к сожалению, духовный мир самой Раушан не раскрыт в произведении в полную меру.

Героиня другого произведения, вызвавшего споры и обсуждения в республике, тоже женщина. Это Айнахан из повести Х. Сеитова «Агроном-председатель». Этот образ обрисован слабо, бледно. В поступках положительных героев не ощущается биение пульса нашей современности, их чувства лишены красоты и силы.

С горечью приходится признать, что самоотверженный труд и духовная красота хлопкоробов, ирригаторов, животноводов, строителей, рабочих еще не нашли достойного, яркого, мастерского изображения в нашей литературе. В этом направлении делаются еще первые шаги — это не надо забывать, потому-то мы особенно и радуемся, когда они успешны. Но меня огорчает, что шаги эти очень еще робки. Основная причина неудач, постигающих писателей в создании образов наших современников, объясняется тем,— я не боюсь повторить широко известную истину,— что мы, писатели, еще недостаточно знаем жизнь. У многих из нас не хватает наблюдательности, творческого чутья, активности. Мы не очень-то любим беспокойство, неудобства, связанные с поездками к героям наших будущих книг. Мы забываем, что ездить в колхозы и на предприятия следует не только на литературные вечера и не на неделю, как это у нас обычно делается. Нам необходимо подолгу, если не постоянно, **жить** со своими героями.

Есть у нас и такая беда в подходе к жизненному материалу. Писатель, ненадолго наезжая, скажем, в аул, восхищается успехами колхоза или совхоза. Но интересуется он не сложностями, с которыми колхоз сталкивался, добывая себе счастье и трудовую славу, не характерами творцов этого счастья, а сводками, цифрами, нормами выработки. «Корни» высокосознательного отношения к обществу, а тем более индивидуальность наших людей при этом остаются вне поля зрения писателей. При таком подходе не создашь ничего, кроме вялых, бледных описаний, вроде такого, к примеру:

Вот это товар, это одежды.
Экскаватор, многие вещи,
Трактор, автомашина,
Мука, сахар, чай —
всего сколько угодно...

По мнению поэта Х. Таджимуратова, эти «стихи» должны отображать богатство и обеспеченность наших тружеников.

Бывает и так: жизненные ситуации, важные явления как-то проходят мимо писателей, подменяются выдумкой, книжными штампами, сюжетами, никак не характерными для нашего сегодня. Председатель совета урожайности Аташ — герой поэмы Б. Каипназарова «В одном колхозе» — выступает против инициативы колхозников освоить залежи. По его мнению, колхозу достаточно старопахотных земель, а с залежами хлопот не оберешься, зачем, мол, лишнее беспокойство. Когда в споре начинает побеждать коллектив, Аташ, продолжая упорствовать, плетет интриги, переманивает на свою сторону нерешительных, ломает мост и бульдозер. Наконец, дело доходит до того, что взбешенный Аташ замышляет разрушить дамбу водохранилища. Что же получилось у автора поэмы? Старый дехканин Аташ, когда-то активно участвовавший в организации колхоза, способствовавший его расцвету, в конце концов становится из-за упрямства ярым врагом артели.

Скорее надо объяснить это тем, что автор обратился не к самой жизни, к ее сегодняшним конфликтам и просто «не заметил», что из-под его пера вышел конфликт, типичный для нашей литературы тридцатых годов.

Пользуясь случаем, я хотел бы поддержать статью «Самое важное» Серги Чилая, опубликованную в «Литературной газете». Серги Чилая призывал оказывать помощь прозаикам и поэтам, пишущим на темы современности. Правильно! Надо оказывать помощь! Мне хотелось бы от себя добавить, что следует больше обращать внимание увлеченных актуальными темами литераторов на художественность, эстетическую сторону их книг. Мы все объединенными усилиями должны бороться за подлинно художественную, талантливую литературу о современности.

Меня волнует и такой вопрос: как мы, писатели, сами учимся у героев наших книг, как заимствуем такие, к примеру, прекрасные качества у людей труда, как правдивость и принципиальность? На мой взгляд, учимся недостаточно. У нас, к сожалению, не хватило до сих пор принципиальности и смелости обсудить поведение Н. Жапакова и Х. Сеитова — авторов поэмы... (трудно даже назвать ее, так как авторы не один раз под разными названиями выпускали одну и ту же вещь, добавляя новые строфы). А ведь открыто высказанное мнение много значит для писателя и среди писателей.

Вот, например, Х. Турумбетов. Творческий путь этого своеобразного поэта был трудным. Х. Турумбетов не сразу «поставил» свой поэтический голос. Сильная сторона дарования этого поэта — умение в коротких миниатюрах сказать о многом. В его стихах радует интерес к будням, к повседневным делам современников. Х. Турумбетов часто говорит даже так: «Поднять стих до уровня простой разговорной речи — вот мой принцип». Все ли здесь верно? Я знаю, скажем, творчество замечательного поэта Хади Такташа. Его стихотворение «Мукамай», поэму «Письма в Грядущее» я считаю классическими образцами применения татарского разговорного языка в поэзии. Но все дело в том, как применять, с какой целью и когда!

В этом смысле и Х. Турумбетову, и всем нам, писателям Кара-Калпакии, следует использовать опыт братских литератур, учиться у товарищей по перу. Не следует нам забывать и о богатствах, содержащихся в произведениях наших народных поэтов. Стихи и поэмы Аяпбергена Мусаева, которого уже нет в живых, Аббаза Дабылова и Садыка Нурумбетова не случайно пользуются в Кара-Калпакии всеобщим признанием и любовью. Поучиться бы у них знанию жизни! Аббаз-шаир и Садык-шаир неустанно странствуют по городам, аулам, стройкам и дальним пастбищам родной республики. В то время, как многие молодые писатели часто обращаются в своих произведениях к прошлому, о котором они знают из преданий и дедушкиных и бабушкиных сказок, наши народные поэты большинство своих произведений, к общей радости, посвящают темам современности, темам сегодняшнего дня.

И правильно видные узбекские писатели Айбек и Гафур Гулям во время каракалпакской декады в Ташкенте советовали узбекским и каракалпакским поэтам учиться у этих степных соловьев использованию богатств народной поэзии, народного языка, бережному, творческому подходу к слову.

В заключение еще раз скажу: нам, писателям, нужно больше думать о жизни, постоянно думать о связях с ней. Тогда придут и успехи, еще бо́льшие, тогда придет зрелость.

г. НУКУС

Дни румынской культуры на Украине

НА УКРАИНЕ с 25 сентября по 3 октября проводятся Дни румынской культуры. Торжественные вечера, концерты, лекции, читательские конференции, выставки, фестивали, посвященные советско-румынской дружбе, помогут трудящимся Украины лучше познакомиться с жизнью румынского народа, с его культурой, послужат еще более тесному укреплению братских связей между соседними дружественными государствами — Украинской ССР и Румынской Народной Республикой. Произведения известных румынских писателей М. Эминеску, М. Садовяну, П. Думитриу, З. Станку и других издаются на Украине большими тиражами. С интересом смотрят зрители румынские пьесы и кинофильмы.

Для участия в торжествах в Киев прибыла делегация в составе депутата Великого национального собрания Румынской Народной Республики академика Николае Лупу, композитора Паллади Раду, заместителя главного редактора газеты «Скынтейя» Валериу Поп, писателя Думитру Корбя и других.

КИЕВ. (Наш корр.).

К ЮБИЛЕЮ РУДАКИ

В ТАДЖИКИСТАНЕ идет деятельная подготовка к празднованию 1100-летия со дня рождения основоположника таджикско-персидской классической поэзии Рудаки. В беседе с нашим корреспондентом председатель юбилейного комитета, заместитель Председателя Совета Министров Таджикской ССР тов. А. Кахаров рассказал:

— Празднование 1100-летия со дня рождения Рудаки намечается провести в середине октября. Мы надеемся, что многие делегаты открывающейся в Ташкенте конференции писателей стран Азии и Африки посетят нашу республику в юбилейные дни и примут участие в торжествах.

Сейчас на промышленных предприятиях, в колхозах, учреждениях и учебных заведениях республики читаются лекции о жизни и творчестве Рудаки, библиотеки готовят выставки его произведений. Большая книжно-иллюстративная выставка, посвященная знаменательной дате, открыта на днях в Государственной публичной библиотеке имени Фирдоуси.

На родине поэта, в Пенджруде (близ Самарканда), сооружается мавзолей. В Пенджикенте создается музей Рудаки. В столице республики, на площади имени Москвы, будет заложен памятник, создаваемый по проекту скульптора, члена-корреспондента Академии художеств СССР Фуада Абдурахманова и архитектора действительного члена Академии строительства и архитектуры СССР Миказля Усейнова. Их проект удостоен первой премии.

Рудаки. Инкрустация по дереву Гр. Сербула

Недавно в музее изобразительных искусств имени Бехзода выставлены работы художников Таджикистана к юбилею поэта. Внимание привлекает полотно М. Хошмухамедова «Рудаки в своей келье». Успех выпал также на долю художников И. Абдурахманова и А. Хайдарова, создавших картину «Рудаки в Пенджруде».

Академия наук Таджикистана выпускает трехтомник, куда войдет поэтическое наследие Рудаки и его современников, а также ряд исследовательских работ о творчестве Рудаки. Академик А. Мирзоев окончил большую монографию о жизни и творчестве Рудаки. Кандидаты филологических наук Г. Амонов и М. Шукуров подготовили к печати сборник фольклорных материалов, собранных на родине поэта. Сталинабадская киностудия снимает фильм «Судьба поэта», посвященный жизни Рудаки (сценарий С. Улуг-зода). В Таджикском государственном академическом театре драмы имени А. Лахути готовится к постановке пьеса С. Улуг-зода «Рудаки».

Министерство связи СССР выпускает почтовые марки, конверты и открытки с изображением Рудаки. Чеканится специальная юбилейная медаль.

Празднование 1100-летия со дня рождения Рудаки — знаменательное событие в жизни всех народов СССР, праздник общечеловеческой культуры.

СТАЛИНАБАД. (Наш корр.)

Помогать строительству коммунизма!

4-й СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИИ

У СЕМЬИ литераторов Советской Латвии большой день: сегодня начинает свою работу 4-й съезд писателей республики. Это важное событие в культурной жизни всего латышского народа, так как литература неотделима от народа и творческий труд немыслим без тесных связей с жизнью широких масс трудящихся. Это особенно ярко подчеркнул тов. Н. С. Хрущев в своих выступлениях «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа»,—такими словами открыл 4-й съезд писателей Латвии народный писатель республики Вилис Лацис.

Съезд приступил к работе 25 сентября.

С докладом «Задачи нашей литературы в строительстве коммунизма» выступил первый секретарь правления Союза писателей Латвии Валдис Лукс. Содоклад о работе правления Союза писателей сделал секретарь правления А. Талцис, доклад о работе ревизионной комиссии—И. Леманис. Тепло встретили делегаты съезда секретаря ЦК КП Латвии А. Пельше, обратившегося к присутствующим с речью и зачитавшего приветствие съезду от Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии.

В этом приветствии, в частности, говорится:

«Партия не сомневается в том, что с помощью социалистического реализма — проверенного временем путеводного компаса советской литературы — нашим писателям удастся избежать как ненужного приукрашивания жизни, так и незаслуженного ее очернения, так как и то, и другое направления являются клеветой на нашу замечательную действительность. Партия не сомневается, что писатели будут изображать эту действительность такой, какова она есть на самом деле, — величавой, яркой, возвышенной, пылающей огнями борьбы и напряженного труда».

С приветственными речами выступили также представители братских литератур: А. Первенцев (Российская Федерация), С. Скляренко (Украина), М. Мухамедов (Узбекистан), Г. Сеидбейли (Азербайджан), Н. Исанбет (Татария).

На съезде было зачитано письмо народного писателя Латвии Андрея Упита, не присутствующего из-за болезни.

В начавшихся прениях приняли участие В. Лацис и Я. Ниедре.

В заключение первого дня съезда с большой речью выступил первый секретарь Союза писателей СССР Алексей Сурков.

Съезд продолжает свою работу.

Сегодня мы публикуем краткое изложение доклада В. Лукса. Продолжение отчета будет напечатано в одном из ближайших номеров «Литературной газеты».

МОЖНО смело сказать, что латышская литература за время, прошедшее после своего 3-го съезда, шагнула далеко вперед,— сказал в докладе Валдис Лукс.— Об этом свидетельствуют такие произведения, как «Под крыльями альбатроса» Жана Гривы, «Кровью сердца» Анны Броделе, «Искры в ночи» Анны Саксе, «Годы закалки» и «Половодье» Яна Ниедре, «Вышли мы все из народа» Визбула Берце, «Всюду расцветают розы» Миервалдиса Бирзе, «Годы юности» Бруно Саулита, рассказы Эвальда Вилка, Адольфа Талциса, Зигмунда Скуиня, Мартина Калндрувы и других.

Героями наших романов, повестей, рассказов все чаще и чаще становятся представители рабочего класса, трудящиеся, непосредственные строители коммунизма, герои сегодняшней действительности.

Долг перед народом выполняют и латышские поэты, повествуя о богатой духовной жизни советского человека, воспевая его труд и героизм. Немалых успехов в этом достигли М. Кемпе, Б. Саулит, А. Веян, А. Балодис, О. Вациетис, В. Руя, Е. Стулпан, А. Скалбе, В. Белшевиц и другие поэты.

Но как разграничить современную и несовременную тему? Здесь мнения расходятся. Так, некоторым кажется, что современен роман Я. Ниедре «Половодье», а роман А. Саксе «В гору» уже устарел. Бесспорно, что и сегодня актуальны такие произведения золотого фонда нашей литературы, как «Разгром» Фадеева, «Как закалялась сталь» Островского, «Цемент» Гладкова. Книги о борьбе и победах советского человека всегда будут злободневными. Но все-таки преимущество остается за произведениями, которые помогают сейчас, сегодня советским людям решать еще не решенные вопросы, произведения, которые идут в ногу с сегодняшними строителями жизни, как наши литераторы шли в ногу с героями Отечественной войны по дорогам боев. Пресловутую теорию «дистанции» давно уже опрокинула литературная практика.

В. Лукс отметил, что мало произведений на современную тему появляется в драматургии и в кинодраматургии. Со страниц периодической печати почти совсем исчез художественный очерк. Редакции наших газет и журналов недооценивают этот боевой, оперативный жанр.

— К сожалению, в последнее время некоторые латышские писатели в той или иной степени сделали уступки мещанским вкусам, их произведения лишены общественного звучания,— сказал далее В. Лукс.

Встречают возражения последние произведения талантливого молодого писателя Висвалда Эглона «Кровавые зарницы» и «Белая лилия». Так, герой «Белой лилии» проповедует странную и циничную философию. Где-то вне времени и пространства живут лирические герои новых книг стихов молодого поэта А. Круклиса. В последних стихах стал отрываться от реальной действительности поэт Ян Силазар.

— Уже вскоре после окончания Отечественной войны партия указала писателям, что мы не имеем права демобилизовывать наши моральные силы и оставлять передовые линии идеологической борьбы. Ведь каждый дзот, оставленный нами, без промедления будет занят противником. Снова и снова приходится бороться против вредных демобилизационных настроений, которых ждет не дождется мещанство и стремление к которым нет-нет и промелькнет в кое-каких произведениях.

Даже современные темы можно развивать по-разному. Если излагать материал объективистски, без авторской оценки, без обобщений, читатель останется в неведении, какова же позиция автора, за что же, собственно, автор борется. В таком положении оказался, например, Бруно Саулит в своей повести «Сыновья профессора Вецапиня».

Отсутствие боевитости, острой принципиальности зачастую мешает некоторым писателям выполнить хорошие замыслы, тормозит развитие литературы, так же как и стремление уклониться от современной темы.

Боевое развитие современной темы — главная задача писателей в славную эпоху строительства коммунизма. Недавно Пленум ЦК КПСС решил созвать в январе 1959 года XXI внеочередной съезд партии, где будет идти речь о бурном подъеме всей нашей жизни в ближайшие семь лет. Это будут годы героического труда и великих побед. Наша литература должна быть достойна великой эпохи.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ Латвии в последние годы стала значительно сложнее, многостороннее, богаче. Шире стал круг рассматриваемого нашей критикой и литературоведением литературного наследства. Как отметил во второй части своего доклада В. Лукс, освоение творчества латышских писателей, творивших в Советском Союзе в 20—30-х годах (А. Цеплис, Р. Эйдеман, К. Иокум, С. Бергис, К. Пелекайс и др.), позволяет теперь рассматривать развитие латышской советской литературы как единый процесс, начиная с 1919 года. Вместе с этим пристальнее стало изучение и революционной литературы буржуазной Латвии. Сейчас издается, например, собрание сочинений Линарда Лайцена. К освоению этого наследства мы пока еще только приступаем, но и теперь уже ясно, как обогатили нашу литературу произведения этих революционных писателей.

В задачи литературной критики входит и освоение литературного наследства демократических и прогрессивных писателей прошлого. Надо дать марксистскую оценку творчества таких сложных и противоречивых писателей, как Я. Яунсудрабинь, К. Скалбе, Аспазия, Я. Порук, А. Бригадер и др.

Однако творчество писателей досоветского периода часто получает в нашей критике неправильную оценку, которая колеблется между двумя такими крайностями, как восторженное восхваление и вульгарно-социологический, упрощенческий подход. Мало еще в нашей критике и литературоведении серьезных исследований, которые давали бы выводы, основанные на анализе литературных фактов. Например, в дискуссии о творческом методе Райниса, продолжающейся уже несколько лет, были попытки решить вопрос схоластическим путем, заменяя конкретный анализ творчества Райниса абстрактными рассуждениями.

Заканчивая доклад, В. Лукс выразил уверенность, что латышская советская литература достигнет новых успехов на путях, указанных партией.

РИГА. (Наш спецкор)

НА СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ ДОНА

Главный источник творческого вдохновения

НА ДОНУ работает большой отряд литераторов. Их произведения широко известны советским и зарубежным читателям. Исторические решения XX съезда КПСС и партийный документ «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» способствовали повышению творческой активности донских писателей.

Важным событием в их творческой жизни было издание ежемесячного журнала «Дон», который объединил вокруг себя опытных и молодых писателей юга Российской Федерации. Донские писатели продемонстрировали свою творческую и идейно-политическую зрелость, сплотившись в борьбе со всякого рода отклонениями от метода социалистического реализма. Как и в любом уголке нашей страны, в Ростовской области растет достойная смена из молодых прозаиков, поэтов, драматургов.

Об этих и других фактах жизни и работы писательской организации области говорил в своем докладе на отчетно-выборном собрании председатель правления Ростовского отделения Союза писателей А. Оленич-Гнененко.

Жизнь народа, строящего коммунизм, — главный источник творческого вдохновения. Эта мысль лежала в основе развернувшихся по докладу прений.

— Доклад нашего правления, — заявил В. Фоменко, — был содержательным, интересным. Но мне не понравилось то, что в нем очень много было розовых красок, фимиама. Вот, скажем, речь шла о молодых авторах. Все здесь правильно, их много, появились новые книги. Но ведь мы не можем оставаться равнодушными к тому, что большинство из наших молодых авторов обращается в своем творчестве к истории, а не к сегодняшнему дню. На прошлое направили свое творческое внимание не только молодые.

Д. Петров (Бирюк) говорил о том, что в период между двумя писательскими съездами вся ростовская организация работала с большой энергией. Об этом, в частности, свидетельствуют романы В. Закруткина, А. Калинина, новые повести И. Василенко и других. Оратор выдвигает вопрос об издании серии «Донской роман», организации в Ростове филиала издательства «Советский писатель».

Главный редактор журнала «Москва» Е. Поповкин подчеркнул, что цель писательских собраний перед съездами заключается не столько в том, чтобы дать обзор сделанному, сколько в том, чтобы поговорить о судьбах литературы, творчески поспорить.

— И в этом смысле доклад меня не очень удовлетворил. Он слишком обзорен, не будит мысль, не вызывает желания поспорить. А нам надо коллективно разобраться в процессах, происходящих в литературе сегодня. В ряду проблем, которые всех нас волнуют, — писатель и современность. Более актуальной, более жгучей и острой проблемы, чем эта, у нас нет.

— За время между двумя писательскими съездами, — сказал М. Соколов, — мы сделали немало. Но время нас обгоняет. Мы остаемся в большом долгу перед современниками. Главная магистральная тема развития нашей литературы — это показ нашего героического сегодня и прекрасного завтра. Пора решительно развенчать «теорию» «дистанции» и «отстаивания воды».

О теме современности в нашей литературе, как главном и решающем ее направлении, говорил А. Калинин.

Писатель призвал товарищей настойчиво овладевать мастерством, оттачивать художественную форму своих произведений.

И. Василенко уделил большое внимание разработке темы современного рабочего класса в художественной литературе и воспитанию молодых писательских кадров; высказал пожелание, чтобы на Дону возобновил работу Театр юного зрителя, вновь стали издаваться детская газета и журнал.

Член литературного объединения поэт Г. Сухорученко рассказал о творческой работе молодых авторов из Таганрога и отметил, что областное отделение Союза писателей помогает начинающим авторам слабо, занимается ими кампанейски.

На собрании говорилось о том, что Оргкомитет Союза писателей РСФСР не всегда справедливо отказывает в приеме начинающим авторам, отклоняя рекомендации ростовской писательской организации.

В. Закруткин посвятил свое выступление современной теме в нашей литературе, необходимости еще большего упрочения связи писателей с жизнью.

— Самое основное, самое важное, то, ради чего мы все работаем, — это любовь к человеку-труженику. Это не только давняя традиция русской классической литературы, это то, что завоевано нашей советской литературой. Ради человека у нас в стране делается все. Поэтому так остро и стоит сейчас вопрос о современной теме в нашем художественном творчестве.

— Для нас, советских литераторов, — сказал далее В. Закруткин, — нет запретных тем, как о том кое-где болтают за границей. Настоящий писатель, который относится к своей стране, как к родной матери, не пройдет и не имеет права проходить мимо любой темы, любого явления, которое волнует народ, а у иных из нас притупилось это чувство. Мы мало и плохо выступаем в печати с очерками, рассказами, стихами, статьями по вопросам, волнующим всю страну.

Секретарь правления Союза писателей СССР С. Смирнов говорил о том, что главная забота любой писательской организации должна быть обращена к человеку с рукописью. Нам надо больше взволнованности, недовольства, беспокойства за сделанное. И, видимо, мало ограничиваться призывами писать о современности. А надо каждому писателю браться за эту тему, быть подлинным выразителем этой нашей яркой повседневной жизни и борьбы.

В прениях по докладу выступили также Г. Шолохов-Синявский, молодой поэт С. Сергеев, директор Ростиздата А. Гриднев, инструктор отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР М. Колядич.

Собрание признало работу правления писательской организации за отчетный период удовлетворительной. Избраны новый состав правления областного отделения Союза писателей и делегаты на Первый учредительный съезд писателей РСФСР. На заседании правления председателем избран А. Оленич-Гнененко, заместителем председателя — Д. Петров (Бирюк).

Вл. ПОНЕДЕЛЬНИК

РОСТОВ-на-ДОНУ. (Наш корр.)

Новые стихи

Виктор ВИНОГРАДОВ

НЕ ПОЗВОЛИМ!..

Снова стал тороплив мой почерк,
Вдаль уходят все пустяки,
Снова, снова бессонною ночью
Подступают к горлу стихи!

Мир повис на десантных стропах,
Он от пепла пожаров сед,—
Белым пламенем катастрофы
Вьются в пальцах листы газет.

И как будто бы рот сирены
Диким визгом уже налился...
Но поют
Соловьи в сирени,
Утром смена идет на леса.

Тратя время в паучьих ссорах,
Диверсантам платя у касс,—
Господа!
За прошедшие сорок
Как вы плохо узнали нас!

Мы забудемся в тишине ли?!
Помним мы бомбовозов гуд.
Наши пригнанные шинели
Каптенармусы берегут.

Знали мы холодок медальонов,
Шли на смерть во имя любви.
Поступь маршевых батальонов
Бьется пульсом у нас в крови!

Не позволим, чтоб дым творожный
Вихорь атомный разносил!..
Мы спасем этот мир тревожный:
Хватит нервов.
И хватит сил!

Василий ЖУРАВЛЕВ

ВСТРЕЧА

Я снова дорогою старой иду,
гармонь затаив под полою,
и ту же вечернюю вижу звезду,
наверно, над той же ветлою.

И девушка
тех же семнадцати лет
спешит по сердечному зову.
И женщина в сером
кричит ей вослед:
«Хотя б подоила корову!»

Минуту и две
я в калитке стою
по праву тех лет старожила.
И в женщине этой я ту узнаю,
которая к плавням спешила.

И я говорю:
— Сколько зим, сколько лет,
а все ж
показалось мне снова,
что это тебе
закричали вослед:
«Хотя б подоила корову!»

Вечер итальянской и украинской поэзии

ДВЕРИ университетского клуба оставались открытыми. Тем, для кого не хватило места в огромном зале, вмещающем около тысячи человек, пришлось стоять в коридоре и оттуда слушать выступления поэтов. Вечер открыл М. Рыльский, назвавший эту встречу песней из замечательной поэмы о дружбе.

Итальянский поэт и критик Серджио Сольми в ответном слове высказал пожелание, чтобы такие встречи проходили чаще, и не только на Украине, но и в Италии.

В зале звучали стихи на итальянском, украинском, русском и даже болгарском языках — среди приглашенных был гостящий в Киеве болгарский поэт Иван Давидков. Свои стихи читали Серджио Сольми, Вельсо Муччи, Иньяцио Буттита, Доменико Кадорези. Украинские поэты М. Рыльский, А. Малышко, М. Нагнибеда, А. Пидсуха, Л. Забашта, В. Тканенко, Т. Масенко выступили со своими переводами произведений итальянских поэтов.

И, как это часто бывает, встреча не ограничилась рамками чисто поэтического разговора. Взволнованно говорил сицилийский поэт Иньяцио Буттита о жизни своего народа, о чаяниях и чувствах простых людей Сицилии. Вельсо Муччи прочитал на итальянском языке отрывок из вступления к поэме В. Маяковского «Во весь голос» в своем переводе. Серджио Сольми и критик Витторио Страда ответили на вопросы участников вечера.

Стихи Сальваторе Квазимодо в переводе на украинский язык прочитал артист П. Киселев. Собравшиеся послали в Москву С. Квазимодо, не приехавшему в Киев из-за болезни, телеграмму с пожеланиями быстрого выздоровления и высокого вдохновения в творчестве.

КИЕВ. (Наш корр.)

ЮБИЛЕЙ Е. КНИПОВИЧ

В СВЯЗИ с 60-летием со дня рождения критика и публициста Евгении Федоровны Книпович правление Союза писателей СССР, Оргкомитет Союза писателей РСФСР и московская писательская организация обратились к юбиляру с приветствием, в котором отмечается большая плодотворная работа Е. Ф. Книпович на протяжении четырех десятилетий. В приветствии говорится: «Вы проявили себя вдумчивым, серьезным исследователем, посвятив свои труды изучению богатств классического наследия, анализу и обобщению опыта современных советских и зарубежных писателей. Наиболее полно Ваше дарование развернулось в послевоенные годы. Ваши последние работы проникнуты горячей любовью к искусству социалистического реализма, пониманием его неисчерпаемых возможностей, дышат непримиримой ненавистью к врагам советской культуры».

50-ЛЕТИЕ ИРАКЛИЯ АНДРОНИКОВА

ИСПОЛНЯЕТСЯ 50 лет со дня рождения писателя, исследователя литературы Ираклия Луарсабовича Андроникова.

«Почти тридцать лет отдали Вы активной творческой деятельности,— говорится в приветствии правления Союза писателей СССР, Оргкомитета Союза писателей РСФСР и Московского отделения Союза писателей, обращенном к юбиляру. — За годы работы в советской литературе Вы добились больших творческих достижений. Ваше историко-литературное исследование «Лермонтов. Новые разыскания», Ваша книга «Лермонтов»—произведения значительной научно-художественной ценности. Общеизвестно и то, каким высоким мастерством отмечены Ваши устные рассказы, покоряющие слушателей неповторимым искусством импровизации, каждый раз создаваемые как бы заново, каждый раз по-новому острые, отточенные во всех деталях, наполненные глубоким жизненным содержанием. Можно без преувеличения сказать, что талант Ваш завоевал глубокое признание и любовь нашего взыскательного читателя».

Жан-Пьер ШАБРОЛЬ,
французский писатель

Накануне

ЭТО ПРОИСХОДИЛО в Шаминьи, маленькой деревушке, расположенной в трех километрах к востоку от Ферте-су-Жуарр, небольшого городка департамента Сены и Марны. В единственном зале маленькой мэрии, в углу, отведенном для ораторов, на земле валяется затоптанная газета. Я поднял глаза кверху: под потолком прилепилось ласточкино гнездо, и оно как бы председательствовало на этом собрании, созванном по инициативе Французской коммунистической партии, чтобы сказать «нет» деголлевскому плебисциту. На собрании присутствует местный мэр. Он радикал и, безусловно, в какой-то мере противник коммунистов, но он также решил сказать «нет» плебисциту. На единственной площади деревушки выведена краской огромная надпись: «Нет — принцу!» и над «i» в слове «принц» вместо точки нарисован лотарингский крест.

Собрание началось в восемь часов, потому что деревенские жители привыкли рано ложиться. Собралось уже человек пятьдесят: это означает, что каждый житель Шаминьи будет знать, о чем здесь говорилось. Жоспен, секретарь департаментской федерации социалистической партии, объявил, что он намерен полемизировать с организаторами собрания. По-видимому, он собирается проголосовать «за», хотя депутат от здешнего округа социалист Арбельтье выступает против де Голля. Он входит в группу меньшинства, которое образовало автономную социалистическую партию.

Пока мы ждали начала собрания, со мной разговорился старик крестьянин. «Сказать «да» референдуму, — заметил он,—это значит передать власть армии, генералам. Я их хорошо знаю, я воевал с четырнадцатого по восемнадцатый год...» В самом деле, здесь, к востоку от Парижа, четыре года подряд шли кровопролитные бои. Этот старик их не забыл. Он рассказал мне, как генералы тысячами посылали людей под смертоносный пулеметный огонь. «И для чего? Только для того, чтобы на генеральских мундирах прибавились звездочки. А теперь нас хотят отдать на милость этих бессовестных людей!» Из-под покрасневших век на меня смотрят старческие слезящиеся глаза.

Появляется Жоспен в сопровождении нескольких социалистов, разделяющих его взгляды. Собрание открыто. Оратор-коммунист начинает так: «Дорогие друзья! Мы обратились к вам просто, прямо, скромно...»

Он подчеркивает слово «скромно». Он ведь не располагает ни радио, ни телевидением. Добрых два десятка партий и группировок имеют право на ежевечернюю передачу по радио и телевидению. Большинство этих организаций, такие, как «Движение 13 мая», «Христианская демократия», «Сторонники манифеста» и им подобные, было создано мятежниками на следующий день после переворота в Алжире и Аяччо. Что касается партий социалистов и радикалов, то здесь слово предоставляется фракциям сторонников «да». «Демократия будет соблюдена, — заверял генерал де Голль, — и каждой партии будет предоставлено время для радиопередачи, чтобы она могла вести пропаганду». Но де Голль действовал с разбором: коммунисты, за которыми стоят шесть миллионов избирателей, получили право на пятиминутную передачу, а передачи группировок, которые все вместе едва ли наберут тысячу сторонников, длятся более часа. Так началась деголлевская демократия...

Дело дошло до того, что на экране телевизора появился монархист Пьерр Бутан, коллаборационист, гнусная, неистовая личность, который настолько распоясался, что открыто призвал «обуздать негодяйку» (он имел в виду Республику) и установить колониальную империю. Военные парады, мессы, интервью алжирских мятежников, пышные церемонии — все служит предлогом, чтобы по радио и телевидению пропагандировать генерала-чудотворца. «Еще никогда никто так нагло не взывал к «нутру» избирателей в ущерб их рассудку», —пишет радикальная журналистка Франсуаза Жиру.

Перед лицом этой пропаганды неслыханного масштаба и интенсивности коммунисты, республиканцы, антифашисты организуют собрания, выступления, выпускают листовки, делают надписи. Против них — весь государственный аппарат, все ассигнования банков (Национальный совет французских предпринимателей решил предоставить де Голлю несколько сот миллионов франков на пропаганду), против них — полиция и все фашистские группировки, восстановленные и официально поощряемые. Но за них — их беспримерный энтузиазм и страстная любовь к свободе. Лишенные больших официальных трибун, они идут к рабочим, к крестьянам и говорят с ними прямо, непосредственно, просто, как теперь в Шаминьи говорит оратор-коммунист.

Крестьяне и рабочие по-своему отвечают этим ораторам. И они отвечают просто, и этот ответ нельзя слушать без волнения. «Я проголосую «нет», потому что вот уже три урожая подряд наша молодежь охраняет виноградники Алжира»,— говорит земледелец Дезире Боном.

Оратор говорит: «В 1940 году я ответил «да» генералу де Голлю. Мне было тогда четырнадцать лет. Через два года я выпустил первую пулеметную очередь в нацистского оккупанта. Сам де Голль наградил меня орденом. Я говорю это не для того, чтобы хвастать, а для того, чтобы все знали, что если мы служим какому-нибудь делу, то идем до конца. И сегодня я говорю «нет» генералу де Голлю, «нет» диктатуре. И в этом я тоже пойду до конца. Я не изменился. Я остался таким, каким был во время оккупации. Я по-прежнему против Антуана Пинэ, советника Петэна, которого де Голль сделал министром финансов. Я по-прежнему против коллаборациониста Тиксье-Виньянкура, против вишиста Алексиса Тома, которые теперь поддерживают де Голля. Я по-прежнему против армейских бездельников, против добровольных антибольшевистских отрядов, против французских фашистов, которые сейчас служат в парашютных частях, в полицейских организациях нового режима и которые стали телохранителями генерала де Голля. Я ответил «да» де Голлю, когда он боролся за независимость Франции. Я отвечаю ему «нет» сегодня, потому что он воплощает ныне, даже по выражению лондонского радио, «антифранцузские силы»...

В зале мэрии присутствует много женщин, много молодежи. Они слушают оратора, который объясняет им смысл переворота в Алжире, комедию «братания». Молодой человек, вернувшийся с военной службы, говорит: «Я там был. Я видел, как солдаты врывались в дома арабов и, угрожая автоматами и пинная их ногами, загоняли людей на грузовики, а потом выстраивали, чтобы фотографировать «радостные толпы».

Отрадно видеть, с каким энтузиазмом молодежь, которую кое-кто раньше времени объявил «гнилой», бросается в битву на защиту республики! В стычках с вооруженной револьверами парижской полицией и вооруженными дубинками «отрядами республиканской безопасности» в демонстрации 4 сентября на площади Республики — молодежь в первых рядах. Молодежь, непосредственно заинтересованная в установлении мира в Алжире, раньше всех почувствовала на себе первые результаты правления генерала де Голля.

С первого июня де Голль правит «абсолютистски», без всякого контроля со стороны депутатов Национального собрания, которых «отпустили», как злобно заявил Мальро, сознательно употребив выражение, которым пользуются, когда прогоняют прислугу. Итак, с первого июня де Голль делает, что хочет. Он прибавил сто десять миллиардов к военным кредитам, он послал еще сто тысяч человек в Алжир, он поспешил направить в Ливан крейсер, чтобы поддержать англо-американскую агрессию, он под прикрытием лозунга «Мир миру» делает все, чтобы помочь США воспрепятствовать совещанию на самом высоком уровне. Это — не говоря уже о том, что он мечтает о французской атомной бомбе, о том, чтобы «взорвать ее в Сахаре», — проект, который никого не воодушевляет в стране, истощенной двадцатью годами непрерывных войн (ведь Франция воюет с 1939 года!). Обратить в прах столько денег, когда цены на масло, молоко, мясо, горючее резко возросли, а в настоящий момент французы получили вдобавок перечень налогов, которые будут повышены. Печальный сюрприз для тех, кто верил, что с приходом к власти де Голля настанут хорошие времена...

Я разговаривал с бакалейщиком, который собирался голосовать за генерала. Он получил налоговый листок и переменил намерение. Ему приходится платить вдвое больше налогов, чем в прошлом году.

Официальная пропаганда не устает твердить о планах восстановления, о том, что новое правительство покончит с жилищным кризисом. Однако власти предупредили население, что, поскольку они не могут финансировать новые строительные работы, им придется обратиться за помощью к частному капиталу (еще один источник сверхприбыли для трестов!). Они объявили также, что квартирная плата в этих домах составит 25 тысяч франков в месяц, а это означает, что квартиры будут совершенно недоступны для рабочего класса.

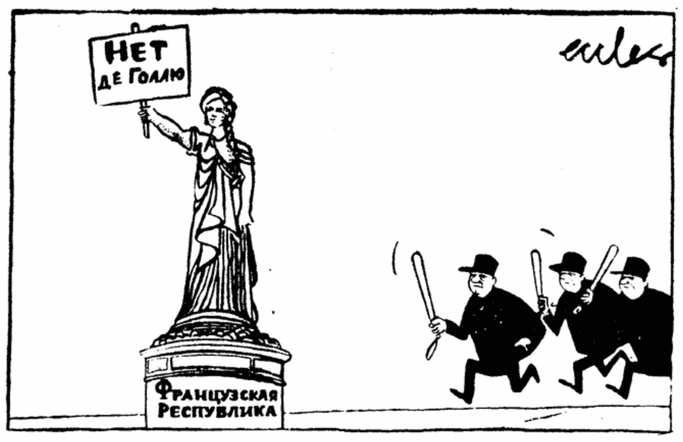


Рисунок из английской газеты «Дейли уоркер»

Я вижу, как молодежь маленькой деревушки Шаминьи, столкнувшаяся с жестокой правдой действительности, жадно впитывает уроки истории. Оратор напоминает о трагических прецедентах: Наполеоне III, Петэне, Франко, Гитлере, Муссолини... Те же страшные симптомы: армия, капиталисты, ненависть к коммунистам, к культуре, расизм... Страшные гримасы фашизма уже проявляются открыто. Во время недавней поездки в Эро я увидел огромные надписи, оставленные бандой фашистских молодчиков. В этих надписях речь шла уже не только о коммунистах. Были там, например, и такие фразы: «Берегись евреев!», «В Иудею Жюля Мока!». В Монпелье фашисты явились на квартиру к раввину и избили его.

«Де Голль республиканец? Да вы смеетесь! — восклицает оратор. — Называть республиканцем этого высокомерного человека, который не испытывает к трудовым людям нашей страны ничего, кроме презрения? Человека, который, не успев прийти к власти, направил письма папе римскому и «претенденту на французскую корону» графу Парижскому? Де Голль поздравил графа с замужеством дочери и заявил, что граф «принадлежит Франции». Республиканец — человек, который смотрит на граждан Французской Республики, как на политических четвероногих?..»

Зал мэрии Шаминьи покрывает слова оратора аплодисментами. Не аплодируют только секретарь департаментской федерации социалистической партии Жоспен и его спутники. Жоспен просит слова, и оно ему предоставлено. Впрочем, он уже не впадает в тот злобный тон слепой ненависти к коммунистам, которым еще недавно пользовались в спорах социалисты. Жоспен говорит: он еще не решил окончательно, проголосует ли он «за», и если он все-таки это сделает, то не из удовольствия, а потому, что надо «предупредить пожар». И он пытается оправдать свое решение жалкими аргументами, которые деголлевская пропаганда предоставляет в распоряжение тех, кто ей служит.

«Разумеется, конституция даст де Голлю всю полноту власти, но он не сможет пользоваться ею без ведома Консультативного комитета...»

На это депутат-коммунист замечает, что, во-первых, комитет будет состоять из чиновников, более или менее зависимых от правительства и им назначенных, во-вторых, само название «консультативный» выносит приговор этому учреждению. К тому же уже в период подготовки конституционного проекта де Голль показал, как мало считается он с рекомендациями людей, с которыми консультируется.

Речь заходит о Ги Молле, и тут вдруг Жоспен признается, что, по его убеждению, «в некоторых случаях» лидер социалистов предавал свою партию.

Это заявление — в некотором смысле историческое, потому что впервые ответственный член социалистической партии, выступая на открытом собрании, разоблачает руководителей своей собственной партии. Жоспен сказал в заключение, что он против войны в Алжире и что в этом вопросе на него всегда могут рассчитывать. Ему ответили: рано или поздно он окажется вместе с коммунистами на том пути, с которого они никогда не сворачивали...

Это было маленькое собрание в деревенском местечке. Тысячи подобных собраний происходят каждый вечер в эти дни, имеющие такое огромное значение в истории Франции. Страна находится сейчас в состоянии мучительного напряжения, она бьется в тисках официальной пропаганды, борется с ней, вовлекая в эту борьбу стены и мостовые, голоса и сердца тысяч людей. Так выходят наружу волнения, которые потрясают изнутри партии социалистов и радикалов. В тот момент, когда Жоспен выступал в Шаминьи со своим неуверенным заявлением, депутат от его партии Арбельтье встретился с коммунистами, чтобы договориться о совместной борьбе в защиту Республики, за участие всей страны в сопротивлении фашизму, против генеральского плебисцита.

...Собрание в Шаминьи уже давно закончилось, а мы все еще не расходились, продолжая говорить, и можно было подумать, что ласточки еще не улетели из своего гнезда под потолком старого тесного зала маленькой мэрии.

ПАРИЖ, 26 сентября.
(По телеграфу)

НАШ СТАРЫЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ

ЗАВТРА отмечает свое 75-летие старый верный друг нашей страны — американский писатель Альберт Рис Вильямс.

Впервые Вильямс приехал в Россию в июне 1916 года в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк ивнинг пост». Великая Октябрьская революция круто изменила жизненный путь молодого журналиста.

Вместе со своим ближайшим другом и сподвижником Джоном Ридом Вильямс вошел в залы Зимнего дворца сразу вслед за штурмующими отрядами Красной гвардии. С этой минуты он — в самой гуще исторических событий.

В Смольном Вильямс впервые видит и слышит Ленина.

— Товарищи! Мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства. — Эти слова Ильича потрясли американского журналиста. Начать строить социализм в стране, где царят разруха, голод, тиф? Не слишком ли мала материальная база для строительства социализма? — думалось Вильямсу. Но вскоре, вспоминает Вильямс, «я уже находился в лагере тех, для которых первым человеком и политиком во всем мире был Ленин».

Альберт Рис Вильямс рука об руку с Джоном Ридом сотрудничает в Бюро международной революционной пропаганды. Вильямсу принадлежит благородная инициатива создания Интернационального батальона Красной Армии для участия в борьбе с немецкими захватчиками. В январе 1918 года Альберт Рис Вильямс, выступая с трибуны III съезда Советов, приветствовал его делегатов «от имени американской демократии».

На долю Вильямса выпало счастье много раз видеться с Лениным, говорить с ним.

Вильямс уехал на родину в июне 1918 года. Он повез с собой самый ценный багаж — правду о Великой Октябрьской революции, за дело которой он продолжал мужественно бороться и в Америке. Нужно вспомнить, что в это время американские интервенты уже попирали советскую землю. Антисоветская пропаганда в США достигла чудовищных масштабов. Альберт Вильямс начал выступать на митингах с честным взволнованным рассказом о русской революции. Тысячи американцев жадно внимали ему.

Для того чтобы ослабить впечатление, производимое выступлениями Вильямса и его товарищей, реакция затевает широко задуманный антисоветский фарс. Сенатская комиссия под председательством Овермэна приступила к «расследованию»... причин и характера Октябрьской революции. Специально подобранные «свидетели» вроде бывшего посла США в России Франсиса или лесопромышленника Симонса давали показания, соревнуясь в диких выдумках о «дьявольском большевистском терроре» и «национализации женщин» в России. Сенатское «расследование» было столь грязной игрой, что в Вашингтон со всей страны посыпались протесты. Под напором общественности овермановской комиссии пришлось вызвать на свои заседания Джона Рида, Альберта Вильямса и жену Рида — Луизу Брайант. Первоначально предполагалось допрашивать их при закрытых дверях, но когда Вильямса привели на секретное заседание комиссии, он заявил, что согласен давать показания только публично. Сенаторам пришлось уступить.

Сам мистер Овермэн привел Вильямса к присяге. Вильямс поклялся говорить только правду, и он сдержал свое слово! «Я верю в Советскую власть, как в великую творческую силу, соответствующую нуждам русского народа. Я верю в нее всей душой, ибо другие правительства самым фактом своей гибели доказали, что они не имели права на существование», — говорил Вильямс. Опровергая клевету о «зверствах большевиков», Вильямс заявил в глаза сенаторам: «Призовите на суд истории с одной стороны большевиков, обвиняемых в красном терроре, а с другой —белогвардейцев и черносотенцев, обвиняемых в белом терроре, и предложите им поднять руки. Я знаю, когда они поднимут руки, мозолистые и загрубелые от работы руки крестьян и рабочих будут сиять белизной по сравнению с обагренными кровью руками этих привилегированных леди и джентльменов...»

Альберт Рис Вильямс.
(Снимок сделан в 1918 г.)

Перу Альберта Риса Вильямса принадлежит несколько книг и ряд очерков о Ленине, Октябрьской революции, о Советском Союзе. Иные из его произведений, быть может, несколько субъективны, но они неизменно проникнуты любовью к советскому народу, уважением к великому делу строительства новой жизни.

Альберт Рис Вильямс живет в Нью-Йорке. Все эти годы он содействует развитию дружбы с Советским Союзом. Недавно он с удовлетворением писал об «эпохальных достижениях Советского Союза, которым аплодирует мир».

Вспоминая теперь, четыре десятилетия спустя, ленинский призыв — немедленно заняться постройкой пролетарского социалистического государства, — Альберт Рис Вильямс может с полным правом сказать: да, свершилось.

ГРОЗНЫЕ СТРОКИ

В ЭТИ до предела накаленные всенародным гневом и патриотическим воодушевлением дни над Китаем с неслыханной силой гремит голос поэзии.

Любимая, издавна широчайше распространенная в китайском народе поэтическая, стихотворная форма выражения человеческих чувств, дум и переживаний поистине стала сейчас глаголом народным. Поэзия творится миллионами, стихами говорит китайский труженик, живущий одними заботами, помыслами со своим народом, родиной и коммунистической партией.

В эти же дни едва ли не каждый из китайских поэтов выступил не с одним, а с несколькими стихотворениями, откликающимися на события в районе Тайваня. Раскрывая газеты, китайский читатель находит здесь стихи, занимающие часто добрую половину листа. Выдающийся ученый, писатель, общественный деятель Го Мо-жо гневно пишет на страницах «Жэньминь жибао» об иноземном звере, который приполз к Тайваню от берегов Ливана, рыча от злобы и боли раны неизлечимой.

Даже беглый обзор поэтического фронта, перечисление наиболее выделяющихся произведений и их авторов заняли бы несколько добрых страниц. Поэтому я привожу лишь отдельные, наудачу выхваченные или сразу запомнившиеся строфы стихов нескольких хорошо знакомых и у нас, в Советском Союзе, китайских поэтов.

Вот суровые, предупреждающие врагов китайского народа, строки Эми Сяо. В этот час испытаний особенно взволнованно прозвучали в эфире слова:

Заокеанским налетчикам помнить бы надо:
По правое наше плечо, светла и грозна,
Стоит Союза Советов громада,
Лагеря социализма величественная стена;
Помнить бы надо, что мы стоим,
Касаясь левым плечом своим
Азии, Африки наших народов-друзей,
Людей миролюбивых планеты всей!

Китайский народ уверен в своей правоте, уверен в своих силах. Выраженная в стихах, эта вера звучит с каждой трибуны, на каждом народном собрании, митинге, демонстрации. Поэт Цзан Кэ-цзя так пишет о всеобщем гневе народа:

Наша песня сегодня гневом полна,
Голос, как гром, сердца горячи.
Шестьсот миллионов накалены докрасна,
Как сталь в аньшаньской печи.

Корреспонденцию хочется закончить строфами из стихов Ша Оу:

Когда всей мощью несокрушимой
Народ наш поднялся на мирный труд,
Горы пред ним склоняют вершины,
Реки, меняя русла, дорогу ему дают.

Если ж на бой он встанет
За правое наше дело,
За нашу родину-мать,
Нет силы, которая пред Тайванем
Могла бы поступь его сдержать!

А. СМЕРДОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»
ПЕКИН, сентябрь

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ

О задачах литературной критики

ЭТОЙ важной теме румынская газета «Скынтейя» посвятила большую статью под заголовком «За укрепление марксистско-ленинской принципиальности в литературной критике».

За последние годы, говорится в статье, в румынской литературе появился целый ряд высокохудожественных произведений, свидетельствующих о ее способности подниматься до высокого уровня требований читателей к литературному творчеству.

Известно, что большую роль в развитии литературы по пути социалистического реализма играла и продолжает играть литературная критика. Она также добилась новых успехов. Многие статьи, исследования и книги посвящены анализу явлений современной литературы, проблемам отношения к литературному наследию, борьбе против империалистической идеологии и декадентствующей западной буржуазной литературы, борьбе с вредными проявлениями как в самом творчестве, так и в литературной критике в нашей стране. В качестве примера газета приводит книгу Пауля Джеорджеску «Критические заметки». В одной из глав ее под названием «Круглая земля» сатирически высмеиваются тенденции аполитичности и бегства от действительности, которые можно наблюдать в произведениях молодых поэтов. Следует отметить также статью «Принципы», напечатанную в «Газете литерарэ», которая выступает против проявлений либерализма и соглашательства в литературе. В книге С. Иосифеску «Литературные пути», в ряде статей и исследований защищаются позиции социалистического реализма, развенчивается преклонение перед модернистскими течениями, перед мудреным, претенциозным стилем литературных снобов и эстетов.

«Скынтейя» отмечает далее активность выступлений ряда писателей по злободневным вопросам литературной жизни Румынии, называя имена М. Бенюка, П. Думитриу, М. Петровяну.

«Твердость, с которой партия боролась и борется против буржуазной идеологии, оппортунистических тенденций, — пишет газета, — привела к тому, что эти тенденции не имеют возможности развиться настолько, чтобы перерасти в концентрированный ревизионизм». Литературная критика, говорится в статье, внесла свой вклад в разгром ревизионистских попыток поношения всего того, что было создано в искусстве методом социалистического реализма; она помогла писателям создать ряд замечательных произведений, подсказанных самой жизнью народа.

Но полностью ли выполнила румынская литературная критика свои задачи? Отвечая на этот вопрос, «Скынтейя» подчеркивает, что в последние годы мировая реакция, пользующаяся поддержкой разнообразных представителей современного ревизионизма, начала бешеную клеветническую кампанию против социалистического реализма и наиболее ценных литературных произведений, любимых многими миллионами людей, произведений, созданных на основе этого метода. Отбить эти нападки, показать безусловное превосходство искусства социалистического реализма над декадентствующим буржуазным искусством — в этом главная задача марксистско-ленинской критики в международном плане.

Однако многие литературные критики не уделяют достаточного внимания борьбе с ревизионистскими взглядами в вопросах литературы, распространенными за границей. Они проявили себя людьми, безразличными к таким отрицательным явлениям, как аполитичность, выхолащивание содержания в лирической поэзии. «Отвечая на вопрос о замеченных отрицательных моментах в области литературы за последнее время (см. анкету, опубликованную в журнале «Вьяца Ромыняскэ» № 12 за 1957 г.), многие писатели указывали на опасность подобного рода выхолощенной поэзии. Казалось бы, что в следующем номере журнал должен был бы выступить с обстоятельными статьями, направить огонь критики против индивидуалистической поэзии, оторванной от нашей современности. В № 1 за 1958 год журнал «Вьяца Ромыняскэ» посвятил ряд критических материалов вопросам поэзии, однако в них затрагиваются преимущественно абстрактные и узкоремесленные темы; в журнале исследуются проблемы «внушения» средствами поэзии, проблемы «символов в поэзии» и т. д. Не случайно, что в своей статье молодой писатель Теодор Мазилу вполне законно спрашивает: «Неужели не нервирует никого из критиков тот факт, что некоторые из наших молодых поэтесс погрязли в меланхолии, что им не надоедает без конца стоять посреди дороги и поджидать любимого, который бы их взял и куда-то все вел, вел... и увел».

Одно из вредных явлений в развитии румынской литературы последнего времени — негативизм, тенденция заниматься исключительно «теневыми» сторонами действительности. Эти тенденции тоже не всегда получали должный отпор, критика не заметила ошибок идеологического характера в таких произведениях, как «Сеть счастья» А. Баранга, «Честь наша насущная» А. И. Штефанеску, «Что ты за человек» А. Новак, прошла мимо чуждых духу социалистической идеологии стихов поэтессы Дойны Сэлэжан.

В докладе тов. Георге Георгиу-Дежа на II съезде РРП подчеркивалось, что «социалистический реализм исключает как манеру описания жизни в розовых тонах и игнорирование жизненных конфликтов, так и тенденцию болезненного выуживания и вытягивания всего того, что является гнилым, хилым, тенденцию изображать действительность и героев нашей жизни в мрачных красках». Будучи острейшим оружием, литературная критика не приемлет апатию, блуждание вокруг да около, робость и колебания перед лицом всего того, что вредит искусству.

«Скынтейя» выступает против соглашательских идеек так называемого «мирного сосуществования» между марксистской и антимарксистской теорией литературы, между литературой социалистического реализма и декадентствующей буржуазной литературой. Подобные идейки высказывал, в частности, Г. Мэргэрит в журнале «Яшул литерар». «Этот критик усматривает наличие своего рода антагонизма между попытками писателя отобразить чаяния, мысли и чувства трудящихся, среди которых он живет, и своими желаниями стать современным писателем «в мировом плане». «Ни один сведущий читатель, живущий, скажем, в Корее или в Голландии, — утверждает Г. Мэргэрит, — не станет считать за современного какого-либо поэта X, если он является современным лишь в своей собственной стране». «Творец только тогда может быть современным творцом, — пишет далее Г. Мэргэрит, — когда он сможет естественно проникнуть в атмосферу широкого признания его той или иной эпохой и будет отражать в своих произведениях характерные черты, присущие вкусу эпохи, черты литературы будущего».

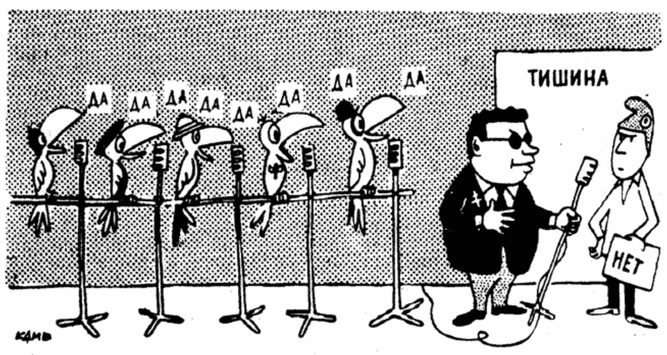
Как видно, кое-кому из критиков слишком «тесновато» быть современным в стране, где строится социализм, для них «мало» выражать чаяния собственного народа, занятого социалистическим строительством, и говорить от имени самых передовых людей, повсюду в мире борющихся за социальный прогресс. То, как ставит вопрос Г. Мэргэрит, по существу означает прямое приглашение к писателям отойти в сторону от позиций социалистического реализма и встать на позиции, которые подходили бы и для буржуазии. «Широкое признание» от Кореи до Голландии! — это же верхоглядное игнорирование классовых различий, замазывание коренной разницы между искусством социалистического реализма и буржуазным искусством... «Нет такого «вкуса эпохи», общего для всех классов и идеологий! Тот, кто желает стать «шире» и «универсальней» и приблизиться к вкусам декадентствующей буржуазии, тот неизбежно отдалится от вкуса и идеологии рабочего класса...»

Приводя еще ряд примеров идеологически ошибочных высказываний литераторов, газета замечает, что чаще всего эти литераторы стремятся подвергнуть ревизии основные принципы марксистской теории литературы под знаменем борьбы против «догматизма». «Самым большим препятствием на пути развития марксистской принципиальной критики в настоящее время являются либерализм и примиренчество», — подчеркивается в статье.

Большое место в статье уделяется правильности критериев при оценке культурного наследия народной Румынии. Ряд авторов, писавший на эту тему, совершал ошибки, некритически принимая творчество некоторых декадентов и модернистов прошлого. В иных работах можно увидеть преклонение перед авторитетами буржуазных критиков, в то время как достижения марксистской критики освоены недостаточно. «Метод научного марксистского анализа заботливо и любовно отбирает все то ценное, что создано литературой прошлого, и беспощадно отбрасывает созданный буржуазией ореол вокруг тех или иных «ценностей», значение которых или фальшиво или преувеличено. Для нас действительно авторитетно не то, что «носят в Париже», а то, что соответствует принципам марксистской идеологии и связанного с народом реалистического искусства».

Свое важное, принципиальное выступление газета заканчивает следующими словами: «Опыт идеологической борьбы, развернувшейся в последние годы в различных странах, подтверждает огромное общественное значение выступлений против буржуазного влияния в литературе, против ревизионистских тенденций. Он подтверждает связь этой борьбы с борьбой за укрепление народной демократии, за построение социализма...

По своей политико-воспитательной направленности и боеспособности, по своему научному и художественному уровню наша литературная критика должна стать острым оружием партии в борьбе за новую, социалистическую культуру».



— Вы тоже имеете право на пять минут!..
Рисунок из французской газеты «Юманите»

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОУХИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва. Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—05421